

18.968к

ИВАНОВСКИЙ ОБЛАСТНОЙ ДОМ НАРОДНОГО ТВОРЧЕСТВА

**ЗА ОБОРОННЫЙ
УРОЖАЙ
1942 ГОДА**

ОГИЗ
ИВАНОВСКОЕ ОБЛАСТНОЕ
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1942

КОНТРОЛЬНЫЙ ЛИСТ
СРОКОВ ВОЗВРАТА

КНИГА ДОЛЖНА БЫТЬ
ВОЗВРАЩЕНА НЕ ПОЗЖЕ
УКАЗАННОГО ЗДЕСЬ СРОКА

Колич. пред. выдач

Сух. тип. 3570—20 000 000.

ОТДЕЛ ПО ДЕЛАМ ИСКУССТВ ПРИ ИВАНОВСКОМ ОБЛАСТНОМ
СОВЕТЕ ДЕПУТАТОВ ТРУДЯЩИХСЯ

ИВАНОВСКИЙ ОБЛАСТНОЙ ДОМ НАРОДНОГО ТВОРЧЕСТВА

ЗА ОБОРОННЫЙ УРОЖАЙ 1942 ГОДА

СБОРНИК МАТЕРИАЛОВ В ПОМОЩЬ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ
САМОДЕЯТЕЛЬНОСТИ КОЛХОЗОВ, СОВХОЗОВ И МТС

-- 2010

ФЗ

326052

2

1962 г.

ОГИЗ

Ивановское областное
государственное издательство
1942

Кр. 18968

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Великая отечественная война советского народа с гитлеровской Германией выдвинула новые, большие задачи перед сельским хозяйством нашей страны. Колхозы и совхозы во все возрастающих размерах должны обеспечить потребности в продовольствии и сырье Красной Армии, тыла, областей, освобождаемых Красной Армией от фашистских захватчиков.

Сельскохозяйственные работы 1942 года приобрели исключительно важное, первоочередное значение, в сравнении с которыми может быть поставлено только производство боеприпасов и вооружения.

В историческом первомайском приказе № 130 Народный Комиссар Обороны товарищ Сталин поставил перед Красной Армией и всем советским народом задачу «...добиться того, чтобы 1942 год стал годом окончательного разгрома немецко-фашистских войск и освобождения советской земли от гитлеровских мерзавцев».

Активное участие колхозников и колхозниц в разрешении исторической задачи по окончательному разгрому фашистских полчищ в текущем году должно найти свое выражение в проведении всех сельскохозяйственных работ по-боевому, в сжатые сроки, в борьбе за высокий оборонный урожай.

План всех сельскохозяйственных работ 1942 года — твердый, нерушимый закон для каждого колхоза, совхоза, для каждой МТС.

Не только выполнить, но и перевыполнить этот план, собрав десятки тысяч центнеров в фонд обороны страны, является делом чести каждого совхоза и колхоза, делом доблести и героизма каждого патриота социалистической родины.

Огромную роль в выполнении плана сельскохозяйственных работ 1942 года должна сыграть художественная самодельность города и села, как одна из форм агитационной работы.

Все свои средства художественной агитации художественная самодельность призвана поставить на выполнение

задач, вставших перед сельским хозяйством в 1942 году. Хороший рассказ, удачно поставленная пьеса, остроумная мобилизующая шутка, песня, так же, как и другие формы агитации, должны воспитывать в народе ненависть к врагу, воодушевлять колхозников и колхозниц на новые трудовые подвиги, на развитие социалистического соревнования, на выполнение взятых социалистических обязательств по успешному проведению сельскохозяйственных работ.

Формы художественной агитации должны быть яркими, боевыми, конкретными, доходчивыми, мобилизующими колхозные массы на трудовой подъем. Достаточно оправдавшей себя и зарекомендовавшей за несколько месяцев отечественной войны, действенной формой работы художественной самодеятельности является художественная агитбригада. Деятельность агитбригады удобна тем, что она может проводить свою работу в любых условиях. Задачей настоящего сборника является оказание помощи кружкам художественной самодеятельности города и деревни в перестройке своей работы в условиях военного времени.

КАК ОРГАНИЗУЕТСЯ ХУДОЖЕСТВЕННАЯ АГИТБРИГАДА

Художественная агитбригада может быть организована в каждом совхозе, колхозе и МТС. Она создается из среды кружковцев хоровых, драматических, музыкальных и др. кружков, а там, где их нет, из числа одиночек, имеющих определенные данные, желающих участвовать в бригаде. В ее составе должны быть: один-два чтеца (один из них ведущий), два-три певца, плясун и гармонист. (Если нет баяниста или гармониста, можно заменить гитаристом или балалаечником.)

В состав бригады можно с большим успехом включить местных поэтов, сказителей, частушечников и т. п., которые могли бы свои произведения прочитать, пропеть или рассказать в программе бригады.

Организованная художественная агитбригада в составе пяти-десяти человек может быть прекрасным помощником в проведении весенне-посевной кампании в колхозе — мобилизующей силой на выполнение поставленных задач, но для этого необходимо работу бригады ближе подвинуть к производственной жизни колхоза, не ограничиваться лишь концертной деятельностью с подготовляемым репертуаром, а стараться поставить репертуар на службу разрешения задач, стоящих перед колхозниками данного колхоза. Поэтому очень важно для работы художественной агитбригады — как

преподнести зрителю подготовленный репертуар, как его подать, что подчеркнуть.

КАК ПРОВЕСТИ ВЫСТУПЛЕНИЕ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ АГИТБРИГАДЫ

Нельзя агитбригаде выступать со случайным репертуаром, с номерами, приготовленными участниками бригады когда-то давно. Необходимо тщательно продумать тот или иной номер программы, цель его включения в программу, чего добиваемся этим номером, и только тогда решать вопрос.

При составлении программы выступления агитбригады необходимо так же тщательно продумать очередность номеров. Здесь нужно придерживаться следующих принципов:

1. Номера, требующие напряженного внимания, поднимающие те или иные большие вопросы, ни в коем случае не отодвигать в конец программы выступления.

2. Стараться, по возможности, разнообразить программу введением различных по характеру видов искусства, номеров, и ни в коем случае не допускать такого положения, когда все музыкальные номера будут в одной половине программы, а художественное чтение в другой.

Группа бригадников должна приготовить заранее свою программу так, чтобы в промежутках между номерами мог быть вставлен текст ведущего или кого-нибудь из бригадников на тему сегодняшнего дня. Эти реплики могут быть построены в виде обращения к зрителям и по поводу состояния работы на участке и призыва усилить темпы, или популяризации и доведения до общего внимания замечательных трудовых примеров колхозников данного колхоза.

Здесь могут быть применены различные приемы, как-то:

1. Во время концерта преподнести от имени агитбригады подарок лучшей стахановке колхоза.

2. Исполнить песню, которую любит стахановка, предварительно объявив о том, что эта песня посвящается агитбригадой именно ей.

3. После исполнения песни, стиха, рассказа о герое Красной Армии или геройском поступке бойца Красной Армии указать, что не все еще осознали всей важности задач, стоящих перед советским народом, перед каждым советским гражданином, где бы он ни работал, так как есть в наличии данного колхоза факты, которых не должно быть, и т. д.

4. Очень большой успех будет иметь номер агитбригады, построенный на местном материале, так, например, о недостатках, мешающих выполнению сельскохозяйственных работ,

спеть частушки, обратиться с райком, получить и огласить телеграмму от инвентаря, заброшенного нерадивым хозяйственным колхоза, и т. д. и т. п.

Ниже приведенную примерную программу выступления художественной агитбригады ни в коей мере нельзя считать сколько-нибудь образцовой программой, она может служить как пример построения программы выступления. Причем во втором разделе брошюры «Репертуарные материалы» даны очень разнообразные материалы, из которых можно довольно легко составить несколько вариантов программ выступления художественной агитбригады, учитывая время и место выступления, отчего целиком зависит не только продолжительность программы, а и вопросы, поднимаемые репертуаром, например: программа агитбригады, выступающей непосредственно в поле, и программа выступления в помещении (клуб, изба-читальня, красный уголок), после собрания колхозников по окончании той или иной сельскохозяйственной работы, — будут несомненно отличаться друг от друга.

Первая программа должна быть меньше по времени, в одном отделении, продолжительностью от 20 минут до 1 часа 10 минут.

Вторая же программа может быть дана и в двух отделениях, каждое из которых продолжительностью от 45 минут до 1 часа 10 минут.

Выступление художественной агитбригады может быть проведено в любом месте, и нужно любые условия максимально сделать удобными для выступления. Выступление может проходить в очень разнообразных условиях: на грузовой машине, на двух сдвинутых телегах, просто на лужайке — поэтому нужно использовать и веревку для выгораживания условной сцены, и плакат, натянутый на два шеста, образующий рамку сцены, и стену сарая, к которой поставленные две телеги образуют площадку, на которую можно смотреть лишь с трех сторон, и т. д. и т. п.

ПРИМЕРНАЯ ПРОГРАММА

**выступления художественной самодеятельности агитбригады
(выступление проходит в поле)**

I. Священная война. Муз. Александрова, слова Лебедева-Кумача. Исполняют все участники бригады.

II. В е д у щ и й:

Пусть ярость благородная
Вскипает, как волна.
Идет война народная,
Священная война.

И волна народного гнева и ненависти выбросит с нашей священной земли фашистскую нечисть, напавшую на нашу родину.

Порукой этому является наша славная Красная Армия и Военно-Морской Флот. Порукой этому служит наш крепкий советский тыл, дающий все, что нужно армии для разгрома врага.

Мы победим, ибо ведет нас к победе великий Сталин!

Дорогие товарищи-стахановцы, ударники-колхозники! Поздравляем вас с вашими успехами на колхозных полях. Горячий привет вам, герои колхозных полей, от нашей бригады.

III. Сейчас мы коллективно прочтем вам: «Песню о родине», слова Садофьева.

В е д у щ и й :

И как не любить эту родину,

И как не любить нашу родину...

И эта любовь, выраженная в героических подвигах нашего народа на фронтах отечественной войны, выраженная в конкретных делах, — лучшее доказательство беспредельной любви к Родине.

В нашем колхозе есть замечательные люди, с которых нужно брать пример. Вот... (примеры лучших людей, показывающих образцы трудового энтузиазма.)

В честь вас, дорогие товарищи.....

Вам посвящается лучший номер.

IV. Баянист, гармонист или балалаечник исполняет песенку-две, любимые данными стахановцами.

V. В е д у щ и й :

Наш советский народ в дни отечественной войны проявляет всюду храбрость и сметку.

VI. Послушайте монолог «Голубой автобус» в исполнении тов.....

В е д у щ и й. И таких примеров действий наших простых людей бесчисленное множество. Пусть гитлеровские брехуны пытаются затуманить головы всякими выдумками; удары Красной Армии, подготовляемые в тесном единстве с тылом, отрезвляюще действуют и все усиливаются и крепнут.

Послушайте в исполнении тов..... «Песня смелых», музыка Белого.

И в заключение в исполнении тт..... частушки и пляска.

ДЛЯ ДРАМАТИЧЕСКОЙ ГРУППЫ

Яков РУДИН

НАОБОРОТ

Генерал фон-Скоровгроб сидит в кресле, жует галеты и слушает доклад своего адъютанта, лейтенанта фон-Битых.

Адъютант. В воздушном бою нашей авиацией сбито семнадцать советских самолетов.

Генерал. Прекрасно.

Адъютант. На наши базы не вернулось сто шесть самолетов...

Генерал. Сколько?

Адъютант. Сто шесть.

Генерал. Может быть они еще вернутся?

Адъютант. В истории авиации еще не было ни одного случая, чтобы сбитые самолеты возвращались.

Генерал. Очень жаль. Дальше.

Адъютант. В танковом бою нами уничтожено четырнадцать советских танков.

Генерал. Великолепно.

Адъютант. Мы потеряли восемьдесят восемь танков.

Генерал. Сколько?

Адъютант. Восемьдесят восемь.

Генерал. Может быть, они еще...

Адъютант. И в истории танков этого не бывало.

Генерал. Плохая история. Дальше.

Адъютант. Нами взято в плен четыреста красноармейцев.

Генерал. Превосходно!

Адъютант. Наши потери две тысячи восемьсот...

Генерал. Сколько?

Адъютант. Две тысячи восемьсот...

Генерал. Может быть...

Адъютант. Не может быть.

Генерал. Дальше.

Адъютант. Все.

Генерал (испуганно). Сколько?

Адъютант. Я говорю сведения все.

Генерал. Ах, сведения... Как вы меня испугали!

Адъютант. Как прикажете писать информацию?

Генерал. Гм... Вы говорите, в воздушном бою нами сбито семнадцать самолетов, а потеряли мы сто шесть?

Адъютант. Так точно, господин генерал.

Генерал. Пишите наоборот.

Адъютант. Значит, так: в воздушном бою мы потеряли сто шесть самолетов, а сбили семнадцать.

Генерал. Да не строчки наоборот, а цифры. В воздушном бою нами сбито сто шесть самолетов, мы потеряли семнадцать.

Адъютант. Слушаю! И с танками наоборот?

Генерал. И с танками, и с пленными. Все наоборот! В немецком народе надо поддерживать бодрость, иначе ему будет плохо...

Адъютант. Наоборот.

Генерал. Что наоборот?

Адъютант. Иначе нам будет плохо.

Генерал. Лейтенант фон-Битых! Потрудитесь не заглядывать в будущее!

Адъютант. Слушаю, господин генерал!

Генерал. Ступайте!

Адъютант. Слушаю! (Идет и возвращается.) Простите, господин генерал. Забыл.

Генерал. Что и сколько?

Адъютант. Нами был сброшен воздушный десант, который полностью уничтожен местными крестьянами. Как это писать «наоборот»?

Генерал. У вас арийская кровь и идиотская голова. Пишите: «Нами был сброшен воздушный десант, который полностью уничтожил местных крестьян...»

Адъютант. Все?

Генерал. Все. Можете добавить: «На обратном пути десант захватил сто двадцать вагонов пшеничной муки, которая на днях будет выдаваться в Берлине».

Адъютант. А это не опасно?

Генерал. Что опасно?

Адъютант. Прочтя такую информацию, вся Германия бросится в Берлин.

Генерал. Это вы правы. Тогда пишите: «...которая будет выдаваться в Берлине по окончании войны».

Адъютант. Опять нехорошо, господин генерал: наши голодные солдаты сразу же кончат воевать.

Генерал. Гм... Опять вы правы! Тогда знаете что, не будем захватывать муки. С этой мукой столько муки, ступайте!

Адъютант. Хейль!

Генерал. Хейль, хейль!..

(Эту информацию прочли двое немецких рабочих.)

Первый (читает). «...сбили сто шесть самолетов, потеряли семнадцать, подбили восемьдесят восемь танков, потеряли четырнадцать...» Какая победа.

Второй. Читай наоборот.

Первый. А может быть.

Второй. Не может быть. В истории фашизма еще не было случая, чтобы писали правду.

Конец

С. ДАНИЛИН

ОН ПРИКАЗАЛ

Пьеса в одном действии

Действующие лица:

Фон-Штольц, лейтенант немецкой фашистской армии, 25 лет.

Татьяна Шурыгина, заведующая колхозной птицефермой, комсомолка, 22 лет.

Фриц Шмит, вестовой при штабе, рядовой немецкой армии, 42 лет.

Действие происходит в наши дни на территории, захваченной фашистской армией, в одном из колхозов Западной Украины. Помещение правления колхоза, занятое немцами под штаб. Вечер. Издали доносится гул орудийной канонады. Из окна видно разгорающееся пламя пожара. У дверей безмолвно стоит часовой — Фриц Шмит.

Фон-Штольц (нервно покручивая торчащие кверху усики, останавливается перед плакатом, призывающим беречь колхозное добро.) Отлично сказано! Но почему они все жгут (мечтательно). Сколько у них добра! Мой отец сумел бы распорядиться им (Шмиту). Как ты думаешь, Шмит?

Шмит (глухо). Это колхоз, господин лейтенант.

Фон-Штольц (раздраженно). Ты завидуешь, Шмит? Теперь это все наше. Фюрер отдаст хлеб немцам.

Шмит. Да... Ваш отец большой землевладелец, господин лейтенант...

(Внезапно гаснет электрическая лампочка. Комната погружается в тьму. На стеклах дрожат отблески пожара.)

Фон-Штольц. Проклятье! Они перерезали провода. Шмит, лампу! Живо!

(Шмит уходит. Фон-Штольц закуривает в темноте.)

Они нас ненавидят! (Со злобой.) Мы вырежем их всех, всех...

(Входит Шмит с лампой.)

Шмит. Осторожнее, господин лейтенант.

(Телефонный звонок.)

Фон-Штольц. Алло! Да, штаб батальона. Полковник Гремгольц? (Сразу вытягивается.) Слушает дежурный лейтенант фон-Штольц. Реквизиция? Все уничтожено!.. Да, да, колхоз богатый, но партизаны все жгут и зарывают... Осталась, господин полковник, птицеферма. Десять тысяч кур и уток... Эвакуировать птичье царство! Ха-ха-ха! Хорошо сказано, господин полковник. Сама фрау Гремгольц была бы рада получить такой эшелон пленных. Вы любите жирных уток? Превосходно, полковник, я немедленно прикажу доставить вам с фермы...

(Взрыв. В небо поднимается облако пуха. Пух залетает в окно. Лейтенант чихает, растерянно оглядывается и, бросив трубку, кричит Шмиту.)

Вестовой, узнать, что произошло!

(Возвращаясь к телефону.)

Господин полковник!.. Вы слушаете.

Взрыв. Где? Не знаю...

(Очищает лицо от пуха.)

Послал вестового... Все это партизаны... Они сожгли фураж, взорвали конюшню... Подкрепление? (хвастливо) Что вы, что вы, господин полковник. Я один разнесу этот скот! Расстреливать на месте каждого задержанного? Слушаюсь, господин полковник (бросает трубку.) Вестовой!

(Вбегает Шмит.)

Шмит. Взорвана птицеферма.

Фон-Штольц (стучит кулаком по столу.) Ефрейтор Краузе ответит мне за это. Он начальник караула, как он смел допустить!..

Шмит (угрюмо). Господин лейтенант, там ничего не видно. Десять тысяч птиц взлетели на воздух, и все наши солдаты покрылись перьями и потрохами (растерянно). Весь батальон чихает, господин лейтенант.

Фон-Штольц (мечётся). Молчать! Я расстреляю этого Краузе.

Шмит. Ефрейтор Краузе задержал девушку. Он ждет вашего распоряжения, господин лейтенант.

Фон-Штольц. Девушка? Красивая? (Причмокивает). Гм... Ну, это потом. Отнесите приказ об аресте начальника поста (пишет).

Шмит. Господин лейтенант, Краузе не так виновен. Он лично задержал эту девушку. Краузе уверен, что это она произвела взрыв. Он ждет вашего приказа.

Фон-Штольц (удивленно). Ах, так. Приведите эту мерзавку.

(Шмит выходит).

(Вспоминает) Русская крестьянка Василиса с вилами в руках брала в плен гвардейцев Наполеона. Где это я читал? Теперь их девушки становятся диверсантами в нашем тылу... В эту страну нам не войти победным маршем... Нет, нет! Я хочу, чтобы эти непокорные колхозники были моими батраками!..

(Входят Шмит и Татьяна. Платье на Татьяне порвано. Взгляд ее сухой, губы сомкнуты; дыхание учащенное, руки сжаты в кулаки).

Шмит. Вот она, дралась, как кошка, в кровь исцарапала бедного Краузе.

Фон-Штольц (медленно закуривает сигару, садится на край стола, спрашивает подчеркнуто спокойно и вежливо). Вы взорвали ферму. За это вас нужно расстрелять... Но я... (напыщенно) я защищу честь девушки... если она скажет, где скрылись партизаны.

Татьяна (удивленно). Я ничего не взрывала. Я просто шла мимо поста...

Шмит. Пыталась проскочить и скрыться...

Татьяна (обиженно). Что же это, нам уже и по своей улице пройти нельзя!

Фон-Штольц. Говори правду. Ты задержана на месте преступления... Где скрываются солдаты? Много их?

Татьяна (насупив брови). Я ничего не знаю. Я шла к соседям.

Фон-Штольц (резко). Поднять руки!

(Татьяна медленно поднимает руки со сжатыми кулаками.)
Покажи ладони!

(Татьяна еще крепче сжимает кулаки. Лейтенант силой пытается разжать их.)

Татьяна. Убери руки! (иронически) Рыцарь...

(Лейтенант ударяет Татьяну по рукам рукояткой револьвера, и кулаки разжимаются. Лейтенант быстро осматривает ее ладони.)

Фон-Штольц. Мерзавка, твои руки обожжены и пахнут порохом. Где ты взяла его, кто тебе приказал взрывать?

Татьяна (спокойно). Отец приказал.

Фон-Штольц. Отец?

Татьяна. Да.

Фон-Штольц. Он командир партизан?

Татьяна. Больше, он командир всего народа.

Фон-Штольц (нервно) Кто?

Татьяна. Сталин мне приказал!..

Фон-Штольц (взвизгнув.) Молчать!

Татьяна (тихо, с тоской). Я берегла каждую курицу, я возила их в Москву, я получила серебряную медаль (с ненавистью кричит). Лучше взорвать самой, чтоб тебе, зараза, ничего не досталось.

Фон-Штольц. Молчать!

Татьяна (громко, гордо, вдохновенно). Молчать? Зачем? Мы счастливо жили в своем колхозе. Еще вчера мы пели и веселились по случаю открытия Дворца культуры. Мы ждали богатого урожая... А ты, фашистская гадина, захотел поработить нас... Этого не будет никогда!

Фон-Штольц (исступленно). Молчать!.. Смерть! (овладевая собой.) Довольно! (Садится за стол, берет ручку, официально.) Имя. Фамилия. Лет.

Татьяна (с большим самообладанием). Татьяна Шурыгина, двадцати двух лет...

Шмит. Доннер веттер, что за девка!

Фон-Штольц (огрызается). Ты что?

Шмит (вытянувшись, руки по швам). Прошу прощения, господин лейтенант.

Фон-Штольц (Татьяне). Замужняя?

(Татьяна молчит.)

Где муж?

(Татьяна молчит.)

Партизан?

(Татьяна продолжает молчать.)

Ясно!

(Звонит телефон.)

Фон-Штольц. Алло! Господин полковник? Допрашиваю. Точно так. Слушаю. Сию минуту (Бросил трубку. Вестовому). Взять под ружье (Уходит).

(Шмит становится рядом с Татьяной, застывает. Пауза. Татьяна дует на свои обожженные руки.)

Шмит (не меняя своей напряженной позы). Больно?

Татьяна (многозначительно) Нет, чешутся...

Шмит. Неужели ты совсем не боишься?

Татьяна. Чего бояться?

Шмит. Смерти.

Татьяна. Как сказать? Умирать мне, конечно, рано.

Шмит. Смерть уж цепко держит тебя.

Татьяна. А в тебя кто вцепился, что ты шевельнуться бо-

ишься. Или ты духу этой пigoлицы боишься. Гер лейтенант. А может меня боишься? Я безоружная. Видишь? (тепло) У самого, небось, дочка есть.

Шмит. Есть. Моя Гретхен к вам не попадет.

Татьяна. Жаль. У нас неплохо!

Шмит. Но, но, но! Молчать!

Татьяна. У ваших крестьян, у вас, много ли земли?

Шмит. Счастье германца не в этом (опасливо оглянулся, скороговоркой). Сколько га земли у ваших крестьян?

Татьяна. Миллионы.

Шмит (перебивая ее). Нет, в вашем селе, в колхозе?

Татьяна (спокойно). А-а! Две тысячи га под зерновые, да сад, да огороды...

Шмит. Хозяину много отдаете?

Татьяна. Мы сами хозяева.

Шмит. А эта птицеферма тоже ваша? Крестьянская?

Татьяна. Наша.

Шмит (задумчиво). Хорошая птицеферма, и урожаи хороши.

Татьяна. Хороши! Сам видел, во ржи спрятаться верховому можно. А у тебя-то земли сколько?

Шмит. Какой там... клочок! (спохватившись) Ну, ну! Разговорила. Молчать!

Татьяна. Глупый.

(Пауза. Оба застывают.)

Шмит (мечтательно). Две тысячи га! (Даже головой завертел). Народу сколько надо, чтобы обработать.

Татьяна (как бы в пространство). Машинами обрабатываем. Государство помогает...

Шмит. Белокорую пшеницу сеете?

Татьяна. И белокорку, и горновку, а рожь? Лес, не рожь! А картошка у нас—во! (показывает). По методу академика Лысенко растим.

Шмит. Академика. А нам говорили, что русские дикари.

Татьяна. Дикари это те, кто наше добро грабят.

Шмит (растерянно). Что за страна!

Татьяна (смело). А ты сам крестьянин, пошел бить и разорять крестьян. Как же так получается?

Шмит (угрюмо). Приказали — пошел.

Татьяна. Пошел!.. Прете танками прямо по пшенице. Это по-хозяйски?

Шмит. Не говори! Сердце кровью обливалось не у меня одного. Много крестьян в солдатах, и всем нам жалко (со страхом оглядываясь). Опять разговорила!

Татьяна (равнодушно). Э-эх, ты, голова!

(Пауза.)

Шмит (мечтательно). Завоюем ваши земли, и ваши хозяйства отдадут нам.

Татьяна (насмешливо). Вот это видал (показывает кукиш). По-нашему дуля называется. На-ко-ся! Выкуси! Завоюем! Покушали курочек на птицеферме? Вот так и нашего хлеба покушаете.

Шмит (уныло). Завоюйте себе хлеб огнем — так приказали нам. А мы как по пустыне идем. Все сожжено. Все уничтожено.

Татьяна. Хлеб надо трудом завоевать, а не огнем.

Шмит (показывает свои руки). Эти руки умеют работать, хотят работать, но в руки всунули винтовку! Воюй! Устали мы! (Пауза. Прислушивается.)

Татьяна. Лейтенант возвращается, гадина! (Сжимает кулаки.)

Шмит. Молчи, девчонка! Ты не знаешь фон-Штольца! Он замучит тебя пыткой. У него вон там есть ящичек.

Татьяна (покачнувшись). Если я испугаюсь пытки (прерывисто), не выдержу, кричать стану, прикончи меня. Крестьянка просит крестьянина — помни!..

Шмит. Жаль мне тебя!

(За дверью шаги. Шмит застыл с ружьем.)

Татьяна (сквозь зубы). Пришел, окаанный!

(Входит фон-Штолец с бумагой в руке.)

Фон-Штолец. Смирно! Слушать приказ!

(Шмит еще более вытянулся. Татьяна подняла голову.)

Приказом командования батальона... Татьяна Шурыгина за взрыв птицефермы приговаривается... к повешению... Приговор привести в исполнение немедленно...

(Татьяна смотрит на офицера широко раскрытыми глазами.)

Фон-Штолец. Что? Неприятно?

Татьяна (тихо). Неприятно.

Фон-Штолец. Есть возможность избежать этой неприятности. Что? А?

Татьяна. Как?

Фон-Штолец. Где скрываются партизаны?

Татьяна (вздыхнув). Заладила сорока Якова!.. Я думала что новое спросишь.

Фон-Штолец (визжит). Не смей так разговаривать!

Татьяна. А как надо? (Села.)

Фон-Штолец (в бешенстве). Встать! Я научу тебя уважать офицера имперской армии! Шмит, ящик!

(Шмит трясущимися руками подает ящик.)

Фон-Штольц (садистически). Две-три иголки под ногти разожмут прелестный ротик «героини». Подожди. Струсила. Ноги подкашиваются. Толкни ее, Шмит, ко мне.

Шмит (глухо). Иди, девушка.

Татьяна. Подождите одну минуту... Я сама (шатаюсь подходит к лейтенанту и с неожиданной силой бьет его в висок).

(Фон-Штольц падает, цепляясь за стол. Затем пытается подняться.)

Татьяна. Ты погляди, сколько силы у этого слизняка. (Шмиту). Помогай! Ну! За волю! За землю!

(Шмит несколько мгновений стоит растерянный, затем, взглянув на решительное, волевое лицо Татьяны, внезапно принимает решение и с размаху ударяет лейтенанта прикладом. Лейтенант замолкает.)

Шмит. Мертв! (схватив револьвер фон-Штольца, протягивает его Татьяне). Не оставляй меня, мне страшно попасть в гестапо.

Татьяна (твердо). Нет, мы еще поживем, повоюем. Пройдем незаметно в лес... там много наших... У нас теперь один путь.

(Берет Шмита за руку.)

Идем!

Гр. ГРАДОВ

ТОЧНЫЕ ПРИМЕТЫ

Пьеса в одном акте

Действующие лица:

Жак Фрогар — рабочий.

Теодор Леклер — фашист.

Первый охранник.

Второй охранник.

Действие происходит во Франции в наши дни.

Гостиная у Леклера. Обстановка безвкусная, с претензией на вульгарную роскошь. На окнах тяжелые шторы. Прямо — стол и несколько стульев. Справа у стены телефон. Входная дверь — слева. Слышен стук открывающегося окна. Штора колеблется. Из-за нее появляется Фрогар. На нем пиджак с поднятым воротником и кепка. Он поспешно задергивает штору, прислушивается. За сценой — гудок авто.

Фрогар. Мимо! Кажется, я-таки увильнул от них (оглядывается). Куда же это ты попал, Жак Фрогар? Э, да не

все ли равно. Где бы я ни был, здесь все-таки лучше, чем... (Прислушивается. За сценой гудок авто. Леклер входит. Он в шляпе, в пальто, с портфелем в руках. Увидав Фрогара, останавливается в дверях, вынимает револьвер и прицеливается в него.) Опять мимо! Мы еще поживем! (Оборачивается.)

Леклер. Руки вверх!

Фрогар. Дьявол! (Поднимает руки.)

Леклер. И без шалостей, а не то!.. Вы успели уже что-нибудь стащить?

Фрогар. Я?.. О, нет. Я только что вошел.

Леклер. Но-но! Знаем мы вас! Так я и поверил. Стоять спокойно. Не шевелиться (подходит к Фрогару сзади и обыскивает его). Пусто... И здесь тоже... Плохо работаете. Имя? Фамилия?

Фрогар. Люсьен Девиль.

Леклер. Что же, Девиль, придется все-таки позвонить в полицию... (подходит к телефону). Давно ходите по этой дорожке?

Фрогар. Я всю жизнь был честным рабочим.

Леклер. Те-те-те! Честный рабочий! Нашли чем хвалиться. На каком же почетном предприятии вы работали? А? В международной компании взломщиков? (Берется за трубку.)

Фрогар. Я работал на заводе «Милитер».

Леклер. «Милитер»? Не врете? Сколько лет вы на нем работали?

Фрогар. Шесть лет.

Леклер. В каком цехе?

Фрогар. В снарядном.

Леклер (отходит от телефона). В снарядном?.. Послушайте, как вас там?

Фрогар. Девиль, к вашим услугам.

Леклер. А, знаете, Девиль, мы может быть столкнемся (садится, не выпуская револьвера). Садитесь. Работая шесть лет в снарядном цехе — завода «Милитер», вы, бесспорно, должны были знать некоего Жака Фрогара.

Фрогар. Фрогара?

Леклер. Ого! Вы вздрогнули?

Фрогар. Еще бы! Фрогар был когда-то моим другом.

Леклер. Был? А теперь?

Фрогар. Мы разошлись. Он увлекся опасными идеями.

Леклер. А вы?

Фрогар. Я думал только о своей семье.

Леклер. И заботясь о ней, вы стали искать частных

приработков к скромному жалованью? Что же? Да здравствуют предприимчивые люди! Послушайте, Девиль, вы знаете, в чью квартиру вы попали?

Фрогар. Я... Не успел справиться...

Леклер. Было бы серебро, а где оно — безразлично, не так ли? Позвольте представиться: Теодор Леклер.

Фрогар. Леклер? Известный фашист.

Леклер. Н-да, смею надеяться достаточно известный. А кто полтора года тому назад знал школьного надзирателя Теодора Леклера? Ни одна собака в нашем городе о нем и не слышала. Он смирнехонько прозябал в своей конуре, под чердаком семиэтажного дома. А теперь? Первый этаж, обстановка, чорт возьми, да и денег хватает. Рестораны, дорогое кино, ласковые девочки, — все к услугам Теодора Леклера. Так-то милейший... А знаете что? Ваша семья могла бы быть вполне обеспечена.

Фрогар. Моя семья?

Леклер. Что вы скажете, например, о месте участкового полицейского надзирателя?

Фрогар. Я? Полицейским надзирателем?

Леклер. Что? Неплохо? Видите ли, мне самому обещана должность мэра нашего города, поэтому вам я смело могу обещать место надзирателя.

Фрогар. Помилуйте, господин Леклер, мое прошлое...

Леклер. Мы забудем о том, что вы были когда-то «честным» рабочим.

Фрогар. Но мое уголовное прошлое...

Леклер. А, это пустяки. Нам нужны ловкие парни. Кто сказал, что фашист должен быть честным? Фюрер этого не говорил. Мы оба с вами можем сделать карьеру, но для этого нам надо оказать услугу друзьям.

Фрогар. О, быть полицейским инспектором!

Леклер. Местечко тепленькое, смею вас уверить. Кроме жалованья, вы будете иметь доход от ресторанов, публичных домов, проституток, сутенеров... Если умно себя поставить!..

Фрогар. Что я должен сделать?

Леклер. О, в общем пустяки (вынимает из портфеля бумагу). Сейчас я вам все объясню. Вот-с, это список неблагонадежных жителей нашего города.

Фрогар. Ого! Вам-таки пришлось потрудиться!

Леклер. Н-да, была работенка. Первая графа — имя, фамилия. Вторая — адрес. Третья — точные приметы. Список окончен, за исключением вот этого номера первого...

Фрогар (читает.) Жак Фрогар.

Леклер. Вот, именно. Первая графа заполнена. Третья — так же. Но, вот, адрес! Адрес! Он неуловим, этот мерзавец! А ведь это он поднес нам взрыв на пороховом заводе. Это он поджег верфи. Это он вчера пустил под откос целый состав. Он — главарь всей шайки. Поймать его, и завтра — я мэр, а вы — полицейский инспектор.

Фрогар. Но ведь вам известны его точные приметы?

Леклер. О, да! Мы потолковали кое-с кем из ребят его цеха и они, как ни упирались, а все-таки сообщили их нам. Вот слушайте: Жак Фрогар, 27 лет, роста среднего, скорее высокого, шатен, бритый, одет в блузу и... (Фрогар хохочет). Что за смех?

Фрогар. Ха-ха-ха! Это Жак-то, Жак, 27 лет! Ха-ха-ха! Бритый! Ха-ха-ха!

Леклер. Перестать смеяться! Я вам покажу, как зубы скалить!

Фрогар. Помилуйте, господин Леклер, ребята наврали вам, как мертвому, а вы и поверили. Да, с такими приметами молодчики из гестапо могут искать Фрогара хоть три года... Одет в блузу!.. Ха-ха-ха!

Леклер. Вы можете сообщить его более точные приметы?

Фрогар. Еще бы. Я видел Фрогара вчера, вот, как вас...

Леклер. Где?

Фрогар. В гавани есть один кабачок, где они сходятся.

Леклер. Послушайте, Девиль, если вы нам поможете его поймать...

Фрогар. Поймать его ничего не стоит. Но надо только уметь взяться.

Леклер. Итак, точные приметы Жака Фрогара?.. (перечеркивает карандашом приметы в списке).

Фрогар. Все-таки, бедняга Жак был добрым товарищем...

Леклер. Добрым товарищем! Эх, вы, слюнтяй! Надо рвать от жизни лакомый кусок, а на добрых товарищей нам с вами наплевать.

Фрогар. Все-таки точные приметы Жака чего-нибудь да стоят...

Леклер. Торгуетесь? Так я отправлю вас в полицию, и дело с концом.

Фрогар. А если так, то я ни словечка не скажу. И никакого Фрогара я в глаза не видал...

Леклер. Ну, ну, я пошутил. Разве вам мало того, что я обещал?

Фрогар. Не то, чтобы мало, но... Кто поручится, что вы сдержите свое обещание?

Леклер. Послушайте, Девиль, ведь мы свои люди. Вы —

жулик, я... я... тоже политический деятель. Какой мне смысл вас обманывать? А товарищ он вам или нет, — не все ли равно? Бить-то ведь будут не вас.

Фрогар. А будут бить?

Леклер. Хо-хо! Мне приходилось (видеть, как работают коричневые молодцы: бьют при аресте, бьют в машине, бьют в тюрьме, бьют при допросе. Уж поверьте мне, что через час после ареста от точных примет Жака Фрогара ничего не останется (показывает на лицо). Сплюшная каша, понимаете.

Фрогар. Бедный Жак!

Леклер. Зато вы станете богатым. Итак, приметы Жака Фрогара?..

Фрогар. Ну, уж ладно. А в каком районе я буду надзирателем?

Леклер. В центральном, милейший, в центральном. Я вас не обману. И вообще будем доверять взаимно друг другу.

Фрогар. Да, поете-то вы ласково, а сами, небось, не выпускаете из рук револьвера. Уж какое тут доверие!

Леклер (откладывает револьвер в сторону). Вот. Теперь вы довольны?

Фрогар. Что ж, записывайте.

Леклер. Знаете что. Мне хочется поскорее порадовать наших друзей. Вы будете диктовать, а я сообщу их, кому надо (подходит к телефону). 8-49-62. Да. Гестапо? Кабинет господина Крафта. Алло. Господин Крафт? Говорит Леклер. Здравствуйте, господин Крафт. Спешу поставить вас в известность, что приметы Фрогара, записанные у вас, абсолютно неверны. Гнались за ним. Ну, значит ваши ребята шли по ложному следу. Я могу сообщить вам его точные приметы. Да. Ручаюсь, что на этот раз они абсолютно точны. Записывайте, господин Крафт. Итак... (кивает головой Фрогару).

Фрогар (диктует приметы Леклера). Жак Фрогар, 35 лет...

Леклер (в телефон) 35 лет.

Фрогар. Брюнет. Был он, правда, шатеном, ну да ведь это дело простое, в любой парикмахерской из шатена брюнета сделают.

Леклер (в телефон). Брюнет. Был шатеном. Волосы перекрашены.

Фрогар. Роста он среднего. Скорей полный, чем худой.

Леклер (в телефон). Роста среднего. Слегка полный.

Фрогар. И усики он себе отпустил. Так себе, небольшие.

Леклер (в телефон). Небольшие усы.

Фрогар. А с блузой и жепкой он давно распрощался. Он одет словно барин — в пальто и в фетровой шляпе.

Леклер (в телефон). Пальто и фетровая шляпа. Цвет? Сю минуту (к Фрогару). Цвет?

Фрогар. Шляпа-то. А вот точь-в-точь как у вас. Светлосерая с голубой лентой.

Леклер (в телефон). Шляпа светлосерая с голубой лентой. Да, за эти приметы я отвечаю. И вообще смею надеяться, что в недалеком будущем мы его сцапаем.

Фрогар. Очень просто!

Леклер. Сегодня? Хм... (Оглядывается на Фрогара.)

Фрогар. А, что ж, если удастся, так и сегодня.

Леклер (в телефон). Может быть и сегодня, господин Крафт. Я приложу все старания. Но я надеюсь, что обещанная должность?.. О, благодарю вас, господин Крафт. Честь имею кланяться, господин Крафт... (расшаркиваясь перед телефоном, поворачивается спиной к Фрогару. Фрогар берет револьвер и прицеливается в него).

Леклер (обернувшись). Эй, бросьте шутки.

Фрогар. Шутки кончены. Начинается серьезный разговор. Руки вверх!

Леклер (поднимая руки). Дурак вы, Девиль. У меня в кармане всего 50 франков, а место полицейского надзирателя даст вам...

Фрогар. Ладно. Я сам арифметику знаю. Стойте смирно. Лево́й рукой отстегните ремень от брюк. Ну, живо!

Леклер. Что за идиотские штучки? (Отстегивает ремень.)

Фрогар. Дайте сюда. Руки назад (связывает ему руки за спиной).

Леклер. Через полчаса вернется мой лакей. Он меня развяжет.

Фрогар. Через полчаса? Прекрасно. Этого вполне достаточно. Ну-ка сядем (толкает его в кресло, отрывает шнур от шторы и привязывает Леклера к спинке кресла).

Леклер. И все это из-за пятидесяти франков. Да выньте их из моего кармана и уберите к чорту.

Фрогар. Откройте рот.

Леклер. Что? Вы хотите вырвать золотые коронки? Ну, уж это не воровство, это разбой...

Фрогар. Откройте рот, вам говорят! (Угрожает револьвером.) Шире! Еще шире! (Запихивает в рот Леклера носовой платок.) Готово. Ну-с, надо порадовать ваших друзей (подходит к телефону). 8-49-62. Кабинет Крафта. Да, живей (подражает голосу Леклера). Господин Крафт? Это опять я,

Леклер. Спешу вас порадовать, — мне необычайно повезло. Я поймал Жака Фрогара. Да, да. У меня в гостиной. Связан. Рот заткнут, — все в исправности. Для вас, господин Крафт, я готов на все. Чтобы не вызывать нареканий соседей, я выйду из квартиры. Дверь оставлю открытой. Присылайте своих молодцов, да поскорее. Ведь у него имеются сообщники. Честь имею кланяться, господин Крафт. (Кладет трубку. Леклер мычит.) Мычите, господин будущий мэр. Может быть вам грустно, что не успели вписать точных примет Жака Фрогара в этот список? А, собственно, к чему эти приметы? Сейчас за вами приедут ваши друзья, и от ваших точных примет все равно ничего не останется. Пока следователь обнаружит ошибку, здесь уже будет сплошная каша (указывает на лицо). У, гадина, я бы и сам тебя избил, да рук марать не хочется. Что? Боитесь трепки? Ничего. Кто сказал, что фашист не должен быть битым. Фюрер этого не говорил. Список этот я заберу с собой. Кстати ваш паспорт? Не беспокойтесь, взамен я оставлю вам свой (вынимает из бумажника Леклера паспорт, прячет его себе в карман, затем отрывает подкладку своей кепки, вынимает оттуда свой паспорт и вкладывает его в бумажник Леклера.) На всякий случай, слегка загримирую вас... (обмакивает палец в чернильницу и рисует под глазами Леклера большой синяк). Вот так. Ну-с, откроем дверь вашим друзьям. Надо быть гостеприимным, не правда ли? (Уходит. Леклер делает тщетные попытки освободиться, Фрогар возвращается.) Напрасно стараетесь (прислушивается). А вот и ваши друзья. Господин Крафт поторопился (прячется за штору).

(Входят первый и второй охранники.)

Первый охранник. Здесь, что ли?

Второй охранник. Вот он.

Первый охранник. Он и есть. Здорово упаковано (осматривает Леклера. Леклер мычит). Я вот тебе помычу! (Бьет Леклера.)

Второй охранник. Погоди, нам надо сверить приметы (вынимает листок бумаги). Хм... 35 лет. Подходит. Роста среднего. Подними-ка эту пададь.

Первый охранник (поднимает за волосы Леклера). Ну, ты, навоз, вставай!

Второй охранник. Так. Среднего. Слегка полный. Мы спустим с него жирок (бьет Леклера в живот). Стоять прямо! Не гнаться (читает.) Шатен, волосы крашенные. А ну-ка, постирай его (льет воду из графина на голову Леклера). Не смываются (трет).

Второй охранник. Три сильней.

Первый охранник. Очевидно водоупорная краска.

Второй охранник (читает). Небольшие усы. Потяни-ка его за ус.

Первый охранник (тянет Леклера за ус). Настоящие. Не отрываются. Всего только три волоска вырвал. С корнем. Ф-фу (сдувает волосы с пальцев).

Второй охранник. Пальто, шляпа.. Все сходится. А запусти-ка ему лапу внутрь.

Первый охранник. Бумажник, деньги.

Второй охранник. Деньги? Гони половину.

Первый охранник. Всего 50 франков.

Второй охранник. Все равно гони.

Первый охранник. Паспорт (читает). Жак Фрогар. Черным по белому. Попался, сволочь. (Леклер мычит и старается указать глазами на штору.) Мычишь, корова неполноценная? Как ты смеешь гримасничать в присутствии благородных арийцев? (Бьет.)

Второй охранник. Дай-ка я ему подсыплю (бьет).

Первый охранник. Ладно, это аванс, а расчет получишь в машине. Марш, ты, животное! (Пинком выталкивает Леклера в дверь.)

Фрогар (появляясь из-за шторы). До свидания, господин будущий мэр. Привет от Жака Фрогара.

Занавес.

Яков РУДИН

ГРАБЬАРМИЯ

(Сцена из жизни германской армии)

Действующие лица:

Полковник.

Ефрейтор.

Полковник (подходит к двери и кричит). Ефрейтор Мориц Фукс!

Ефрейтор (входя). Я, господин полковник.

Полковник. Что же это такое? Я вас не узнаю. Я всегда считал вас настоящим солдатом германской армии, готовым для блага своего командира на все.

Ефрейтор. Так точно, господин полковник!

Полковник. Так точно? А вчера, когда мы вошли в этот городок, вы сразу же начали грабить.

Ефрейтор. Никак нет! Не сразу, а часа через два.

Полковник. Ну, через два часа вы начали грабить население?

Ефрейтор. Когда мы вошли в этот городок, никого из населения уже не было. Все ушли.

Полковник. Но магазины, лавки, квартиры остались?

Ефрейтор. Так точно, остались.

Полковник. Вы их грабили?

Ефрейтор. Никак нет. Мы их осматривали.

Полковник. Ах, осматривали! Что же вы «осматривали»?

Ефрейтор. Часовой магазин, господин полковник. Вот! (Показывает часы, надетые на руку.)

Полковник. Сколько?

Ефрейтор (смотря на часы). Без пяти три.

Полковник. Я вас спрашиваю, не сколько времени, а сколько часов вы «осмотрели».

Ефрейтор. Двое, господин полковник. Вот! (Показывает вторую руку, на которой тоже часы).

Полковник. Двое ручных часов?

Ефрейтор. Так точно.

Полковник. А сколько карманных?

Ефрейтор. Одну пару... на карман.

Полковник. А сколько у вас карманов?

Ефрейтор. Восемь, господин полковник.

Полковник. Зачем же вам столько карманов?

Ефрейтор. Для родственников. Один карман для жены, другой — для тещи, третий — для дочки, четвертый — для племянницы...

Полковник. Безобразие! Разложение! Позорить мундир германской армии!

Ефрейтор. Никак нет! Когда мы грабили... то есть осматривали, в магазине было очень жарко, так мы мундиры сняли.

Полковник. Но голова у вас осталась?

Ефрейтор. Так точно, осталась.

Полковник. Так вы могли подумать о карманах своего командира?

Ефрейтор. Так точно, господин полковник, мог.

Полковник. Могли, а не подумали. Где же дисциплина? Вы, ефрейтор, будете с часами ходить, а я, полковник, должен часы по солнцу определять?

Ефрейтор. Никак нет. Вот, пожалуйста. (Подает часы). Золотые, анкерный ход.

Полковник. Благодарю! Скажите, Мориц Фукс, а думали ли вы о том, что у вашего полковника есть жена?

Ефрейтор. Думал, господин полковник. Пожалуйста. (Передаёт часы).

Полковник. Благодарю! А о теще полковника?

Ефрейтор. И о теще подумал. Пожалуйста. (Передаёт часы).

Полковник. А о дочке, о племяннице?

Ефрейтор (вздыхая). И о дочке, и о племяннице. (Передаёт часы).

Полковник. Молодец, ефрейтор Мориц Фукс! Я сообщу фюреру о вашей храбрости. Хейль!

Ефрейтор. Хейль.

Полковник. Что вы настоящий солдат германской армии, готовый для блага своего командира на все.

Ефрейтор. Так точно, господин полковник.

Полковник. Ступайте, продолжайте «осматривать» и думайте.

Ефрейтор. О чем прикажете думать, господин полковник?

Полковник. О том, что размер вашего полковника сорок восьмой.

Ефрейтор. Слушаю, господин полковник.

Полковник. Что размер трусиков жены вашего полковника пятый. Что теща вашего полковника очень любит меха, а дочке нужен материал на пальто. Поняли?

Ефрейтор. Понял, господин полковник.

Полковник. Понимайте это скорей. Говорят, что нам не удалась молниеносная война, так мы должны по крайней мере молниеносно «осматривать». Поняли?

Ефрейтор. Понял, господин полковник.

Полковник. Ступайте. Да, постойте. Кто из наших «осматривал» обувной магазин?

Ефрейтор. Ефрейтор Густав Грабе.

Полковник. Пришлите его ко мне.

Ефрейтор. Слушаю. (Уходит).

Занавес.

А. ЭРЛИХ

СЛУЧАЙ В РАЗВЕДКЕ

(Рассказ)

Они лежали, притаившись, в канаве, — два разведчика, лейтенант и красноармеец. Осень. И, как всегда в эту пору, тлели кусты при дороге, паутина плыла в холодеющем воз-

духе, винным запахом дышала земля. Но было еще в этой осени и много того, чего люди не знали прежде: мир пропитался гарью, душным запахом пороха и огня, и всюду под ветром вился черный, летучий прах пожарищ. Разведчики хорошо видели сквозь кусты все, что осталось от деревни: обугленные дымоходы, окруженные холмиками пепла, и единственный чудом уцелевший сарай. Подле сарая хлопотали немецкие солдаты. Они забили планками широкие ворота, обложили углы хворостом и сеном, потом наглухо укрыли два крошечных оконца под крышей. Что могли означать эти приготовления? Оба разведчика переглянулись и поползли ближе к кустам. Вскоре из-за угла выкатился пулемет, к нему припал человек с очень бледным и покорным лицом. Казалось, с этой минуты солдаты стали действовать быстрее и решительнее. Теперь они копали яму несколько в стороне. Когда глубокая яма была вырыта, явился тощий и надменный офицер. Он что-то сердито произнес на ходу, и тогда пулеметчик повернул хобот своего оружия в сторону заколоченного сарая. Лейтенант в канаве за кустами знал немного язык врага и насторожился, ловя голос.

— Торопит... — сказал он своему товарищу. — Сейчас подожгут сарай. Ах, мерзавцы! — произнес лейтенант с такой ненавистью, что слово это зашипело у него на губах. Офицер крикнул, солдаты проворно разбежались по углам, и в следующую секунду повалил дым, закачались языки пламени, облизывая деревянный сарай. Казалось, офицер прислушивался к треску горящих сучьев и был весьма недоволен. Он хмурился, тонкие губы его были плотно сжаты. Наконец, он уловил что-то желанное в шуме занимающегося пожара, — суровые морщины на лбу его разгладились, подобие улыбки возникло на лице. Из сарая донеслись отчаянные удары в заколоченную дверь, крики и проклятия. Да, теперь офицер германской армии был вполне доволен. Крики и стоны за дверью усилились.

— Товарищ лейтенант, — прошептал красноармеец, — я сбегая в часть за бойцами. А?

— Лежи.

— Хоть бы нас человек пять или шесть. С гранатами, товарищ, лейтенант... Слышишь?

— Лежи, говорю. Тебе не успеть... Смотри! — лейтенант предостерегающе поднял руку, призывая к полной тишине и неподвижности. — погоди!.. Он приказал им... Да, он приказал им раскидать огонь.

В самом деле, пожар был спустя несколько минут поту-

ен. Солдаты отодрали планки и открыли ворота. Из сарая, атаясь, выскочили два красноармейца. Головы их были заинтованы, и сквозь марлю проступали зловещие, яркие пятна. Они озирались, выбирая, в какую сторону бежать. Но направленный на них пулемет заставил их попятиться и прижаться к стене. Меж тем солдаты выволакивали из сарая других раненых красноармейцев. Ударами прикладов они вытаскивали их у стены. Они нещадно били раненых, заставляя их стоять, либо швыряли оземь, убедившись, что никакими побоями не вернуть крепости простреленным ногам. Немецкий офицер наблюдал их работу, поощрительно кивал и выбался.

— Слушать меня, — сказал он на ломаном русском языке. — В последний раз! Я бы мог, конечно, спалить вас вместе с этим паршивым сараем. Но я хочу узнать сначала, не разумились ли вы? Будет кто-нибудь из вас говорить или будет? В последний раз.

Только двое продолжали стоять, прислонясь к стене. Другие же осели наземь с поникшими головами. Третьи с самого начала корчились на земле от нестерпимой боли в тревоженных ранах. Ни слова, ни звука, ни стога не слышал от них офицер. «В последний раз», — повторил он. Все молчали.

— Так. Я понимаю. Вы решили во что бы то ни стало вывести из терпения офицера германской армии. Хорошо. — Он скомандовал.

Солдаты, построившись, отошли к вырытой ими яме. Они стояли со вскинутыми винтовками. Офицер медлил. Раздички лежали, затаив дыхание, на холодной земле, но им было жарко, нестерпимо жарко, точно под ними горячие угли и раскаленная сковорода. Рискавая выдать себя, они шевелились, ворочались, вздрагивали. Много раз, переглянувшись, они готовы были вскочить и безрассудно ринуться вдвоем против большого отряда. Офицер подал знак рукой в перчатке. Грянул залп. Только двое, еще державшиеся на ногах, оказались мишенью для всего многочисленного строя бийц. Рука офицера опустилась... Весь в золоте сверкал край резового леса неподалеку, за вытопанной рожью. В глубокой синеве неба плыли легкие, белые ладьи облаков. И весь этот чудесный мир, вся несравненная прелесть начинающейся осени, вся неизменная красота неба, воздуха, земли — все это было опоганено медленно двигающейся злодейской рукой немецкого офицера. Он снова и снова подавал знак к постыдной расправе над безоружными и истекающими кровью людьми. Пулеметчик с бледным лицом следил за

офицером, сидя на корточках. Строй солдат послушно расстреливал по одному человеку.

— Довольно! — распорядился офицер.

Но так как еще не все были расстреляны, солдаты остались некоторое время со вскинутыми винтовками.

— Довольно! — повторил офицер, — как бы рисуясь внезапным своим капризом. — Хватит с них, — сказал он, выразительно показав на пленных и на яму. — Закопайте их теперь. Всех сразу. И живых и мертвых... Быстро! Я кажется, довольно ясно выразился.

Пулеметчик свалился наземь, он укрыл лицо, чтобы ничего не видеть, он пробовал закрыть и уши, чтобы ничего не слышать. Офицер подал еще один знак, солдаты поняли его, они стали забрасывать свои жертвы не только комьями земли, но и тяжелыми, увесистыми камнями.

— К бою готовься! — разнесся тогда звонкий голос. Лейтенант поднялся во весь рост. — К бою! — кричал он, точно за ним была по крайней мере рота грозных мстителей, и побежал в беспамятстве со штыком наперевес. Красноармеец бросился за ним и в два прыжка опередил своего командира.

— Умри, гад! — вопил на бегу красноармеец, вонзая штык в коричневое пятно перед собой. Туман иступления застилал ему глаза. Он выдернул штык и ударил кого-то прикладом в грудь. В следующее мгновение он понял, что это был офицер, тот самый офицер. Пуля, взвизгнув, ужалила красноармейца в плечо. Еще послышались выстрелы. И бешено затрещал опомнившийся пулемет. Тогда, торопясь со стиснутыми зубами, красноармеец размахнулся и ударил падающего офицера еще раз изо всей силы и раскроил ему череп. Стонала яма, трещал пулемет, а боец попрежнему стоял крепко на ногах, сжимая винтовку. Наконец, он увидел, что пулеметчик преследует своим огнем убегающих к лесу солдат. Немец бьет немца! Плохо бьет!.. Слишком искажено в судорогах лицо, чересчур дрожат пальцы. Красноармеец подбежал и оттолкнул пулеметчика, тот свалился рядом. Некогда было раздумывать надо всем случившемся. Боец занял место у пулемета, очередь за очередью метко полетели, догоняя убийц.

— Братишка! — позвал после боец, немного отдохнувший. — Ты чего там затих? — Он оглядел площадку. Лейтенант вдали пробует поднять голову и снова падает лицом в пыль. Фашистские трупы разбросаны по жнивью. Совсем рядом лежит немецкий солдат-пулеметчик, он что-то торопливо бормочет, моргая светлыми ресницами. Глухой стон доносится из наполовину засыпанной ямы.

— Вот что, братишка, ты действуй. Помогай! — распорядился красноармеец и дружески похлопал нежданного союзника по плечу. — Понятно тебе? Дуй вон туда, по опушке. И дорожку помаленьку щупай.

Из десяти раненых бойцов в живых остался только один. Он вытащил его и бережно положил на траву. Потом принес сюда и своего лейтенанта, тяжело раненого в ногу. Пулеметчик еще постреливал короткими очередями по березовому леску. Багряные ветви никли с такой кружевной четкостью, что можно было даже издали сосчитать каждый листок.

— Ты кто? — спросил красноармеец, когда замолк пулемет. — Ты почему не отвечаешь. Меня самого кличут Андрей. Глушков я, Андрей. Понятно?

Пулеметчик замотал головой и что-то сказал по-своему. Только после узнал Андрей Глушков, что звать пулеметчика Герман — Герман Тиме, он австриец. Зверский расстрел пленных переполнил его терпение перед фашистским разбоем, и он повернул свой пулемет против немецких солдат, когда из-за кустов выскочили красные.

— Ну, что же теперь делать? — говорил Андрей Глушков. — К нам надо тебе идти. Не иначе. — Герман Тиме не отвечал. Он тотчас же направился, прихрамывая, к убитому офицеру, сорвал с пояса у него фляжку с ромом и, запрокинув голову, пил, пил долго, медленно, наслаждаясь. Потом так же медленно обтер грязным рукавом губы и с омерзением, с гадливостью швырнул опустевшую фляжку в мертвое лицо изверга.

— Ну, давай, давай, брат. Нечего... Некогда тут прохлаждаться, — весело поторапливал Андрей Глушков. — Я понесу своего командира, а на твою долю, выходит, раненый боец будет. Ну, взяли что ли! — Герман Тиме вытер пот со лба и впервые улыбнулся.

* * *

Эту историю передала нам медицинская сестра товарищ Резникова. Она ухаживает в одном из госпиталей за всеми четырьмя ранеными, за Германом в том числе. У Германа старая, запущенная рана на ноге. Он скрывал ее, он молчал о своем ранении германской армии, в страхе, что его пристрелят, как обузу.

(„Правда“, 4 сентября 1941 г.)

II. ДЛЯ ЧТЕЦОВ - ДЕКЛАМАТОРОВ

Вл. СУХОДОЛЬСКИЙ

ЗАГОВОРИЛ...

(Сценка)

(Авт. перевод с украинского)

Стол. За столом сидит Мотья. Рядом телефон. Мотья держит в руке револьвер и, не сводя глаз, смотрит на одетого в комбинезон человека, который сидит поодаль на стуле. У человека руки связаны за спиной. Под пристальным взглядом Мотьи он вертит головой из стороны в сторону, хмурится, презрительно сжимает губы и, наконец, опустив глаза, застывает в каменной неподвижности. Раздается резкий звонок телефона. Мотья берет трубку левой рукой, продолжая в правой держать направленный на человека револьвер.

Мотья. Дежурный по колхозу Мотья Кандыба слушает... Чего?.. А, здравствуйте, Катюшка! Привет... Чего?.. Не-е, никак не могу сейчас до вас притти... Чего?.. Да, стерегу тут одно стерво. (Кивок в сторону связанного человека.) Какое стерво?.. Обыкновенное, фашистское... Утречком наши бабы поймали, на парашюте спускался... Чего ему сделали?.. Все, что полагается... Допросили, конечно. А он папы-мамы сказать не может. Не понимает, о чем его спрашивают, блекочет, как индюк, и все кланяется... А нам, между прочим, каждому охота дать ему по морде... Однако стерпели, только руки ему скрутили. Отвели в сельсовет и на стул посадили, а мне говорят: «Стереги, — говорят, — Мотья, это стерво, нам зараз некогда, к вечеру управимся, так на пункт свезем...» А я говорю им: «Хорошенькое дело, спасибо вам, бабоньки. С какой это радости мне такое удовольствие, чтобы со стервой время коротать? Лучше давай-те я из него сейчас покойника сделаю... Нам же спокойнее будет!» А они мне отвечают: «Не смей делать сейчас из него покойника. Может он еще сгодится. Нужно его на пункт представить». А чего эту падаль на пункт представлять, скажи мне, пожалуйста, Катюшк?.. Что?.. Ну, да, стерегу, конечно, но, между прочим, нету больше моего терпения ви-

деть перед собой эту обезьяну в комбинезоне... Прямо хоть плачь... Чего плакать? Опостылела мне эта морда до невозможности, мутить меня начало... Разве плюнуть ему в харю, чтоб отлегло?.. (Фашист делает движение, Мотька продолжает болтать по телефону.) Не-е, Катька, ты не беспокойся. Он ничего по-нашему не понимает, а ни словечка... Наши бабы и так с ним, и всячески — и на пальцах, и на губах объяснялись, а он дурак дураком — ни чорта понять не может. Тетка Парася уж до чего деликатно с ним говорила: «Скажи, — говорит, — сукин сын, для какой собачьей надобности ты к нам в ячмень сел?..» Ну, а он только головой трясет, будто немой... Какой на вид? Приходи — увидишь... Да как тебе сказать... Масти он линючей, лоб телячий, глаза рачьи, зубы собачьи (фашист делает движение). Словом, насмотрелась я на эту высшую расу. Цирка не нужно... Чего там неудобно? Он ни словечка не понимает... Что с ним будем делать?.. Я же тебе говорю, бабоньки на пункт представить хотят... Чего? Да я и сама так думаю, на кой чорт нам время терять? Мало своих делов?.. Кабы моя воля, я бы этого голубчика моментально на месте трахнула... Не поймай его, каких бы этот гад тут делов натворил?! Вот держу перед его мордой револьвер и так меня тянет дернуть за крючок... так и тянет... (фашист ерзает на стуле). Сама знаешь — из ста возможных девяносто семь на сто метров выбиваю. Я бы ему в секундочку дырочку во лбу выбила... Да. Я же тебе говорю он ни чорта по-нашему не понимает. Можно говорить, что хочешь... Это, я, конечно, понимаю... Приказано живым доставить, а что делать, ежели меня тянет башку ему продырявить? Так и тянет, так и тянет... Будто кто за руку дергает... Боюсь, что не совладаю с собой. Ты же знаешь, какой характер у меня паршивый... (Слушает, потом отвечает.) Да ты, Катька, не агитируй, сделай милость... А что делать, если так и тянет, так и тянет нажать? Даже судорога в пальце началась... Ой, боюсь, что сейчас пальну... (фашист делает испуганное движение, Мотька не замечает его состояния и продолжает разговор по телефону). У всякого свой характер. Не хочу по причине какого-то паршивого немца свой характер менять. Если уж что засядет мне в голову, — колом не выбьешь... Ну, да... Вот засело мне в голову кокнуть белобрысую обезьяну — и ничего с собою поделывать не могу. Будто кто на ухо шепчет: пристрели гада, пристрели... А в пальцах невозможная судорога делается. И сам собою указательный перст дергается... Наверное скоро новый припадок со мной начнется... Слушай, Катюша, а ведь можно потом объяснить, кому надо, что, мол, убежать хотел? Как ты думаешь, пове-

рят?.. Воздержаться?.. Тебе-то легко говорить, когда перед тобою эта харя не торчит. А я его уже три часа обозреваю... Нет, уж, спасибо... Нету во мне таких сил, чтобы дольше обозревать. У меня тоже нервы... Вот, кажется, снова со мной припадок начинается... Откуда знаю? По указательному пальцу чувствую. Задергался палец... Нет, кажется, пальну ему сейчас в лоб... Я уже и местечко на лбу выбрала, малость повыше правого глаза, там у него бородавка... В эту самую бородавку я и прицеливаюсь... Что... Не мешай, Катюша... У меня рука сама собой поднимается, а палец безудержно дергается... Уже до уровня дошла... Не могу вытерпеть. (Кричит в телефон.) Ой, Катька, сейчас пальну. Слушай в телефон...

Фашист (не выдерживает и истерически кричит).
Опустите револьвер!

Мотья (не меняя положения, спокойно говорит в телефон). Готово, товарищ старший лейтенант. Понимает по-нашему. Заговорил. Приезжайте, привет. (Вешает трубку.)

Виктор ТИПОТ

ДЯДЯ ВЛАС

(Лубок)

Разговаривают (желательно под музыку): пожилой, спокойный и медлительный, не без хитрецы — дядя Влас и группа живых, бойких девушек.

1.

Девушки

Дядя Влас, а дядя Влас!
Слышал, Гитлер прет на нас
С гадинами истыми,
С подлыми фашистами?

Дядя Влас

Это, девки, ничего.
Встретим гостя своего.
Дело нам привычное,
Издавна обычное.
Немец, девки, прет на нас
Далеко не в первый раз.
В прошлом не порываться ли?

Например, псы-рыцари.
Мы тогда ливонским псам
Крепко дали по усам.
Помнит немец все еще
Ледовое побоище.
Не удался псам поход,
Всех пустили мы под лед,
И спросить им не с кого —
Не с Александра ж Невского.

2

Девушки

Дядя Влас, а дядя Влас!
Мы слыхали, что сейчас
Ярость в них погромная,
Сила в них огромная.

Дядя Влас

Это, девки, ничего,
Навидались мы всего.
Шли к нам в дни бывалые
Полчища немалые.
Взять пример — Наполеон.
В гости к нам явился он
С нациями всякими
(В том числе с пруссаками).
Был он воин хоть куда,
Брал он с боем города,
Но назад, дорогою,
Растерял он многое:
Треуголку и штаны
И охоту до войны,
А вместе с той охотою
И конницу с пехотою.

3.

Девушки

Дядя Влас, а дядя Влас!
Интересный твой рассказ,
Но немец войском славится,
С ним легко ли справиться?

Дядя Влас

Это, девки, ничего.
Мы ведь видели его

Много раз в баталии
Поближе и подалее.
Не пройти им никогда
Там, где Красная звезда!

4

Девушки

Дядя Влас, а дядя Влас!
Ты скажи еще про нас:
Растолкуй ты вроде нам,
Чего от нас ждет родина?

Дядя Влас

Девки, раз идет война —
Ваше дело сторона.
Вас война, красавицы,
Вовсе не касается.

Девушки

Дядя Влас, эх, дядя Влас,
Маху дал ты в этот раз.
Ты не знаешь, дедушка,
Что есть наша девушка.
Мы врага работой бьем,
Мы бойцам шинели шьем,
На заводы вызваны,
На замену призваны.
Сестры мы и доктора,
Сели мы на трактора,
Все поможем чисто мы
Справиться с фашистами.

Дм. СЕМЕНОВСКИЙ

РАНЕНОМУ

Друзья, теплом заботы всенародной
Согреем братьев, раненных в бою, —
Поможем тем, кто Родину свою
Отстаивал с отвагой благородной.

Пожертвуем защитникам своим
Трудом, досугом, жаркой алой кровью, —
Вернем их к жизни, к бодрости, к здоровью,
Для новых битв их силы обновим.

Грозна войны стальная непогода,
Над кем ревела бешено она,
Тому так нужны мир и тишина
Внимательного братского ухода,

Ему так нужен добрый чуткий друг.
Такой отрадой веют на больного
Бодрящий взгляд, участливое слово
И теплота целящих нежных рук.

Подарками, газетою и книгой
Мы скрасим дни защитников своих,
Что нужно им, пусть будет все у них —
Героев нашей Родины великой.

Мы письма им сердечные пошлем,
А в час досуга к ним приедем сами.
Мы будем здесь желанными гостями —
Стихи прочтем, беседу проведем.

Мы приведем детей к бойцам в палату.
Пусть милая ребячья щебетня
Живей напомнит раненому брату
Родную хату, тополь у плетня,

Семьи любимой ласковые лица,
Привычный труд, счастливый мирный дол, —
Все то, за что он, не колеблясь, шел
С жестокими врагами на смерть биться.

И каждый воин раненый поймет,
Что в эту трудную суровую годину
Страна к нему огромным сердцем льнет,
Как мать к родному дорогому сыну,

Что думаю о нем, любимом, дорогом,
Душа любая, как огнем, согрета,
И что забота искренняя эта —
Залог победы нашей над врагом.

(„Рабочий край“ от 24 марта 1942 г.)

ЛЕБЕДЕВ-КУМАЧ

ПОДАРКИ

Согретые лодской любовью жаркой,
Текут на фронт широкою рекой
Корзины, свертки, ящики, подарки,
Уложенные ласковой рукой.

И Б. УЗ.

И потому, что в ящике фанерном
Заботливо собрали для бойца, —
Не трудно различить и угадать, наверно,
Подарок матери, подруги и отца.

Вот девушка в коробку положила
Все нужное на вкус девичий свой:
Печенье, шоколад, кусок пахучий мыла,
Одеколон, платочек носовой.

А вот подарок матери-хозяйки:
Чай, нитки, нож, бумага для письма,
Кисет и две мохнатые фуфайки, —
Она бойцам связала их сама.

Отец когда-то сам на фронте побыл,
И, вспоминая прошлое свое,
Он шлет носки, махорку чистой пробы,
Мундштук, перчатки, теплое белье.

Герой-боец оценит все подарки,
Пускай текут они широкою рекой,
Согретые людской любовью жаркой,
Уложенные ласковой рукой.

(„Правда“ от 18 сентября 1941 г.)

Елена БЛАГИНИНА

НАГОТОВЕ

Тишина прихлынула к земле,
Только бродит ветерок прохладный,
Точно капитан на корабле, —
Управдом на лестнице парадной.

Третью ночь он не смыкает глаз
И не думает о теплом крове,
Потому, что дан ему приказ:
«Каждую секунду наготове!»

Спит соседка в комнате своей,
Еле-еле дышит одеяло.
Хорошо сегодня спится ей, —
Прошлой ночью на посту устала.

Но шепните только: «Пробил час»,
И прервется сон на полуслове,

Потому что отдан ей приказ:
«Каждую секунду наготове!»

Спит мальчишка смуглый на боку,
Сон ребячий и глубокий и сладок,
Голова его полна песку, —
Он наполнил целых восемь кадок.

Но попробуй подойти сейчас,
Он подскочит, он нахмурит брови,
Потому что слышал он приказ:
«Каждую секунду наготове!»

Сталинские соколы, бойцы,
Выше взвейте боевые стяги!
Вы, мужья, вы, братья, вы, отцы,
Смело в бой! Мы здесь полны отваги!

Потому что крепко любим вас
Всем биением горячей крови,
Потому что на сердце приказ:
«Каждую секунду наготове!»

(„Правда“ от 1 июня 1941 г.)

С. МИХАЛКОВ

СОВЕТСКИЕ БОМБОВОЗЫ

(Посвящается боевым летчикам части
майора Кузнецова)

В лучах заходящего солнца,
Гудя над землей, как шмели,
Плывут, в облаках исчезая,
Воздушные те корабли.

И с курса они не сobbyются,
И к цели они долетят.
Радисты-стрелки неустанно
За воздухом синим следят.

Пшеница внизу колосится,
Пылят по дорогам стада.
Как тонкие ниточки, вьются
Идущие в тыл поезда.

Девятка летит над садами,
В пути не встречая преград.
Тяжелые авиабомбы
Под крыльями в люках стоят.

Плывут они, крылья раскинув,
Течением воздушной струи.
И дети им смотрят вдогонку,
И матери шепчут: «Свой!»

Свой самолеты! И людям
Становится сразу легко.
Свой! Это значит — родные
Заплавский, Демидов, Янко.

* * *

В планшете на штурманской карте
Отмечена эта река.
Вот здесь у врагов переправа,
Сюда они гонят войска.

Саперы наводят понтоны,
Форсируют реку полки,
Вползают германские танки
На берег советской реки.

Вперед же, к намеченной цели!
Уже переправа видна.
Уже разделилась девятка
На три боевые звена.

Во имя родимого края,
Во имя погибших бойцов
На цель в боевом развороте
Заходит майор Кузнецов.

По цели! По цели! По цели!
И кони встают на дыбы.
И там, где взрываются бомбы,
Встают водяные столбы.

По цели! И вновь закипает
Вода у крутых берегов —
То Кравченко — сталинский сокол, —
Как смерч, налетел на врагов.

Бросаются в воду фашисты,
Но только спастись нелегко,

Когда над водой пролетают
Заплавский, Демидов, Янко.

* * *

В лучах заходящего солнца,
Гудя над землей, как шмели,
Свои корабли боевые
Герои домой привели.

Летели они над садами
От мест, где гремели бои,
И люди внизу говорили:
— Летят бомбовозы! Свои!

(„Правда“ от 27 июля 1941 г.)

ИСАКОВСКИЙ

НАКАЗ СЫНУ

Мой сын родной! Прильни к землей скорей,
Услышь
Слезами залитое слово!
Мой сын родной! У матери твоей
Теперь — ни хлеба, ни земли, ни крова.

Пришли они, как черная чума,
Пришли
И кровью нашей упивались.
Забрали скот и подожгли дома,
Над старым и над малым надругались.

Где день, где ночь — скитаюсь я одна
По выжженным лесам и перелескам.
Мой сын родной! А где ж твоя жена?
Мой сын родной! А где ж моя невестка?

Сграбастали, схватили у двора
Погаными, разбойными руками,
Глумилися до самого утра,
А там — прощай! — прикончили штыками.

Погибла сиротинушка твоя,
Замученная мукою жестокой...
Ее в могиле положила я
Лицом к тебе, лицом туда — к востоку.

Прильни к земле, и сквозь смертельный бой
Твоя душа услышит молодая,
Как плачет по тебе ее любовь,
Как плачет кровь, невинно пролитая.

Услышь, мой сын, и первым будь в бою, —
Круши, карай неистовую силу!
За всех за нас, за Родину свою,
За эту безответную могилу.

Уничтожай поганое зверье, —
Пали огнем, дави его машиной!
И в том — благословение мое,
Которое навеки нерушимо.

(„Правда“ от 19 ноября 1941 г.)

А. СУРКОВ

ВПЕРЕД, БОГАТЫРИ, ВПЕРЕД!

Сынов народ
На бой ведет.
Героям страх неведом,
Вперед, богатыри, вперед!
Отвага города берет,
В атаках — путь к победам.

Широк орлиных крыл размах,
Окрепла в битвах сила.
В метелях наших и снегах
Фашистов ждет могила.

За слезы наших матерей,
За выжженные хаты
Идет для бешеных зверей
Жестокий час расплаты.

Народных мстителей сердца
Тверды и непреклонны,
Развеем яростью свинца
Немецкие колонны.

Перед танкистом и стрелком
Дрожит фашист проклятый.
Стреляй в упор, коли штыком,
Круши врага гранатой.

Сигнал атаки дан вождем!
Открыта даль седая,
По трупам вражеским идем,
Разя и побеждая.

Сынов народ
На бой ведет.
Героям страх неведом,
Вперед, богатыри, вперед!
Отвага города берет,
В атаках — путь к победам!

(„Правда“ от 13 декабря 1941 г.)

Александр ЯШИН

РАССКАЗ КОЛХОЗНИЦЫ

Шли мы по полю с Федосьей
Вечером с работы.
Слышим шум во ржи:

КОЛОСЬЯ

Разбирает кто-то.
Смотрим: милиционеры.
Ну, решаем, — хороши:
Не нашли другой фатеры,
Заседают где? —

во ржи!

Топчут хлеб, уселись в круг.
Я подумала:

— А вдруг!?

Почему во ржи, к примеру, —
Если милиционеры?
Затаились мы, присели.
Кто такие, в самом деле
Видим — пригибаются,
От кого скрываются?
Неспокойно хмурят брови,
Рысьи вместо глаз огни
И на лицах нездоровье...
Ой, гляжу, — не нашей крови,
Не советские они.
Я Федосье пошептала,
Дескать, ты сиди, следи,
И в деревню побежала.
Под ногой земля дрожала,

Сердце грохало в груди.
Сразу кинулась по хатам,
Собрала бригаду.
Говорю: — Скорей, ребята, —
В нашем поле гады.
В нашем поле колосистом
Шестеро фашистов.

Кто с колом, кто с ружьем
Поползли без слов.
Изловили всех живьем,
Как перепелов.
Сбили им амбицию
И — свели в милицию.

Вот и все. Скажу вам только:
Не страшны они нисколько.
И еще хочу сказать:
С иродами надо
Всем народом воевать —
Убивать гадов!

А. БЛАГОВ

РОДИНА

Трубы фабрик, тракторы, комбайны,
Ширь лесная, реки и поля...
Не обнять дорог твоих бескрайних,
Родина чудесная моя.

Ты богата сушей и морями,
Ты сильна семьею трудовой,
Ты не раз сражалась с врагами,
Побеждала в схватке боевой.

Вор полночный под окном стучится,
За хозяйский ломится порог;
Родина, тебе ведь не учиться
Бить врага и вдоль, и поперек.

Хочет он назвать тебя рабою,
Бредит он погибелью твоей...
Собирай давно готовых к бою,
Закаленных, смелых сыновей.

Угости по-совести, как надо,
Чтобы мог запомнить до конца
Смертный жар советского снаряда,
Меткость большевистского свинца!

А. БЛАГОВ

КОЛЬЦА ЗОЛОТЫЕ

Помню пору молодую,
Что вдали осталась.
С пареньком одним пригожим
Я тогда спозналась.

Были встречи, были речи,
Что ни день теплее.
Не шутил пригожий парень —
И назвал своею.

Под венец, как было нужно,
Встали молодые,
Обручились — надевали
Кольца золотые.

Дни за днями проходили,
Год спешил за годом...
— А не хватит ли банкирам
Помыкать народом?..

Так сказал Владимир Ленин,
И проснулась сила.
Прощалась я с любимым,
В битву проводила.

Не вернулся он — сразили
Недруги лихие.
Сохранила я на память
Кольца золотые.

Много славы, много счастья
Мы в борьбе достали.
Освещает нам дорогу
Наше солнце — Сталин.

Пусть не думают фашисты
Властвовать над нами:
Мы сильны единой волей,
Мы крепки штыками.

Чтоб врага скорей добили
Соколы родные,
Отдаю на оборону
Кольца золотые!

Вл. КУДРИН

ПЕСНЯ О НАРОДНОМ ОПОЛЧЕНИИ

То не тучи грозовые
разметали молнии,
То не реки бурные
взрыли берега, —
То дружины гневные,
ненависти полные,
На борьбу за Родину
вышли на врага.

Не осилить соколов
бешеным стервятникам,
Встали против варваров
наши города.
Путь побед немеркнущих
ополченцам-ратникам
Озарит Кремлевская
красная звезда.

От напора нашего враг
назад покатится.
Разобьет захватчика
рать богатырей,
Кровь за кровь отхлынется,
смерть за смерть оплатится,
Отольются извергам
слезы матерей!

Ой, ты, поле-полюшко!
Ой, ты, степь широкая!
Реки многоводные!
Горы да моря!

Ты друзьям — желанная,
ты врагам — жестокая,
Ты — непобедимая,
Родина моя!

Вл. КУДРИН

ПАРТИЗАНКА

У Ганны Шубенок
просторная хата,
Мичуринский сад над рекой.
Там часто, бывало,
Шумели ребята,
Ночной нарушая покой.
И дело решали,
И песни певали,
И кровь вскипала в груди...
Колхозной бригадой
Поля штурмовали —
И Ганна всегда впереди.
На Родину нашу,
на мирные хаты
Напала шальная орда.
За Ганной Шубенок
бригадой ребята
Пошли на защиту труда.
По взрытому полю
рассыпались кони,
В лесах завязалась пальба.
Бригада — в засаде,
бригада — в погоне,
Бригада сжигает хлеба.
От мин замирают
фашистские танки,
Летят под откос поезда...
Над пламенным сердцем
лихой партизанки
Горит золотая звезда.
У Ганны Шубенок
просгорная хата,
Мичуринский сад над рекой...
Там сотню фашистов
сразили ребята,
Ночной сохраняя покой.

III. ДЛЯ ХОРА, АНСАМБЛЯ, ОДНОГО ГОЛОСА

Слова В. ЛЕБЕДЕВА-КУМАЧА
Музыка А. В. АЛЕКСАНДРОВА¹.

СВЯЩЕННАЯ ВОЙНА

Вставай, страна огромная,
Вставай на смертный бой
С фашистской силой темною,
С проклятою ордой!

Припев.

Пусть ярость благородная
Вскипает, как волна.
Идет война народная,
Священная война.

Как два различных полюса,
Во всем враждебны мы, —
За свет и мир мы боремся,
Они — за царство тьмы.

Припев.

Дадим отпор душителям
Всех пламенных идей,
Насильникам, грабителям,
Мучителям людей!

Припев.

Не смеют крылья черные
Над родиной летать,
Поля ее просторные
Не смеет враг топтать!

Припев.

Гнилой фашистской нечисти
Загоним пулю в лоб,
Отродью человечества
Сколотим крепкий гроб.

Припев.

¹ Ноты помещены в конце книги.

Пойдем ломить всей силою,
Всем сердцем, всей душой
За землю нашу милую,
За наш союз большой.

Припев.

Встает страна огромная,
Встает на смертный бой
С фашистской силой темною,
С проклятою ордой.

Припев.

Пусть ярость благородная
Вскипает, как волна.
Идет война народная,
Священная война.

В. ЛЕБЕДЕВ-КУМАЧ

НЕ СКОСИТЬ НАС САБЛЕЙ ОСТРОЙ¹

То не стан вороньи слетались
Под ракитою пир пировать, —
Гайдамаки и немцы пытались
Нашу землю на части порвать.
Да крепка оказалась земля-то,
Не пришлось им разграбить ее, —
Наши соколы и соколята
Разметали, как дым, воронье!

Припев.

Не скосить нас саблей острой,
Вражьей пулей не убить, —
Мы врага встречаем просто:
Били, бьем и будем бить!

Было много охотников разных
До богатой советской земли, —
Обломали бока понапрасну,
Да и ноги с трудом унесли!

¹ Ноты помещены в конце книги.

Не истлели их черные кости,
Не забыты лихие дела, —
Пусть приходят фашистские гости,
Пусть идут, коли жизнь не мила!

Припев.

Мы и прежде умели не плохо
Посчитаться с врагами в бою,
А теперь до последнего вздоха
Будем драться за землю свою.
Весь народ встанет грозно и смело,
Как орел на защиту гнезда.
Никогда нас рабами не сделать
Никому, ни за что, никогда!

А. СУРКОВ

ПЕСНЯ СМЕЛЫХ¹

Стелются черные тучи,
Молнии в небо снуют.
В облаке пыли летучей
Трубы тревогу поют.
С бандой фашистов сразиться
Сталин отважных зовет.
Смелого пуля боится,
Смелого штык не берет.

Ринулись ввысь самолеты,
Двинулся танковый строй,
С песней стрелковые роты
Вышли за Родину в бой.
Песня — крылатая птица —
Смелых скликает в поход.
Смелого пуля боится,
Смелого штык не берет.

Славой бессмертной покроем
В битвах свои имена.
Только отважным героям
Радость победы дана.
Смелый к победе стремится,
Смелым дорога — вперед.

¹ Ноты помещены в конце книги.

Смелого пуля боится,
Смелого штык не берет.
Смелый дерется с врагами,
Жизни своей не щадя,
Смелый пронесит, как знамя,
Светлое имя вождя.
Смелыми Сталин гордится.
Смелого любит народ.
Смелого пуля боится.
Смелого штык не берет.

*Слова В. И. ЛЕБЕДЕВА-КУМАЧА
Музыка бр. ПОКРАСС*

ТРИ БРАТА ¹

Три брата с фашистом дерутся жестоко,
И каждый из братьев силен и плечист:
Один пехотинец, другой — смелый сокол,
А третий — отважный танкист.

Вот первый у речки ведет переправу,
Приказ выполняя, торопит бойцов.
И видит, что подлая вражья орава
Забрать его хочет в кольцо.

Враги навалились и справа и слева,
Их вчетверо больше, чем наших ребят,
Но полный великой отваги и гнева,
Геройски дерется отряд.

Фашистские гады кладут все усилия,
Все жарче и жарче становится бой...
Но вот засверкали знакомые крылья,
И брат появился второй.

Покончивши в небе с фашистскою стервой,
Ударил герой по наземным врагам,
И братскую помощь, почуявши первый,
Дал волю героическим штыкам!

Попятился враг, замешался, — и встретил
Конец свой проклятый фашист...
На помощь двум братьям явился и третий,
Явился отважный танкист.

¹ Ноты помещены в конце книги.

Так братья дерутся в содружестве смелом,
Геройски воюют за Родину-мать,
Чтоб гадам-фашистам, зверям оголтелым
По нашей земле не гулять.

Текст ГРАДОВА, музыка ФОМИНА

И НЕ РАЗ, И НЕ ДВА¹

На родных полях завывли ураганы,
Тучи полегли над самою землей.
Огненным дождем встречать гостей незваных
Пробил час, товарищ боевой!

Припев.

Мы не раз, и не два недруга учили
Обходить стороной русские луга.
И не раз, и не два мы в поход ходили, —
И не раз, и не два били мы врага!

Были мы всегда отвагою богаты,
И когда страна скликала нас в поход, —
Лавою стальной на всех врагов заклятых
Поднимал сынов своих народ.

Припев.

Пронесли в боях мы предков нашу славу,
Не согнула нас свинцовая гроза,
Стали в ряд один: Бородино, Полтава,
Перекоп и финские леса.

Припев.

За разбой и кровь пощады нет фашистам,
Наш огонь врага с лица земли сметет,
Не померкнет солнце в нашем небе чистом —
В бой победный Сталин нас ведет!

Припев.

Родину беречь нам завещали деды,
Жизни не щадя, в атаку шли отцы,
Выпал час и нам сражаться до победы —
В бой! Вперед! За Родину, бойцы!

Припев.

Мы не раз, и не два недруга учили
Обходить стороной русские луга.
И не раз, и не два мы в поход ходили, —
И не раз, и не два били мы врага!

¹ Ноты помещены в конце книги.

СЕСТРА

Облик девушки славной,
Мягкий очерк лица,
Красный крест нарукавный,
Гимнастерка бойца.

Весь народ грозовая
Породнила пора.
Всем бойцам ты — родная,
Всем бойцам ты — сестра.

Все душевные силы,
Все порывы свои
Горячо ты вложила
В подвиг братской любви.

Сердце лаской богато,
Много в нем теплоты.
К ранам воина-брата
Тихо склонишься ты.

На великое дело,
На защиту страны
Поднимаются смело
И отцы и сыны.

Подвиг свой совершая,
В их рядах ты идешь,
Вместе с ними, родная,
Ты победу куешь.

IV. ЧАСТУШКИ

ЗА ВЫСОКИЙ УРОЖАЙ

Шире, улица, раздайся,
Тракторам дорогу дай!
Приказал бороться Сталин
За высокий урожай.

Расширяем мы посевы,
Поработаем весной,
Заготовим больше хлеба
Красной Армии родной.

Все мы выполнить готовы
Лозунг нашего вождя —
Соберем для государства
Тонны лучшего зерна.

Для родной Страны советов
Мы распашем целину.
Встретим, встретим дружным севом
Большевицскую весну.

Все вниманье и заботу
Основному делу —
Подготовимся получше
К весеннему севу.

Будет летом полный колос
И обильный урожай, —
Только раннею весною
С посевной не прозевай.

Веет вьюга, снег несет,
Ну и пусть — не страшно.
Снег задержим на полях,
Будет хлеб прекрасный.

Мы щиты в полях расставим —
Снег нам надо удержать,
Вьюгу белыми коврами
Зябь заставим одевать.

Подготовили мы сбрую,
Подготовили коня,
Накопили удобренья,
Повезем их на поля.

Заиграй сильней, гармошка,
А ты, Маша, запевай!
Мы собрали удобренья,
Чтоб повысить урожай.

Зря не тратить ни минуты,
Недалек приход весны —
Мы ударною работой
Урожай поднять должны.

Целый день ремонт идет, —
Сошники, подковы,
Скоро сев у нас пойдет,
Мы к нему готовы.

По-стахановски работай,
Лучше поле удобряй,
Обработкою хорошей,
Поднимаем урожай.

Взял ты трактор или плуг,
Действуй ими ловко:
Как на фронте брат и друг
Действуют винтовкой.

Сортируйте семена,
Проверяй их всхожесть,
Обеспечить урожай,
Знай, — всего дороже.

Семена у нас готовы
Чистые, протравлены;
Плуги, бороны в амбаре
Все лежат исправны.

Сорняки мы уничтожим,
Влагу сохраним зерну,
По-ударному закончим
Большевистскую весну.

Закипит в полях работа,
Трактор песни запоем, —
Мы должны работать вдвое
В боевой суровый год.

Мы вчера постановили
Выполнить задание,
И бригады все вступили
В соцсоревнование.

Перевыполним задание,
Нормы новые дадим,
Мы, стахановцы колхоза,
Темпов наших не сдадим.

Не дадим мы хлеб вора
Не дадим пожарам,
Станем зорко сторожить
Колхозные амбары.

Будем честно мы работать
Всей колхозною семьей,
Наша армия родная
За советский бьется строй.

И высоким урожаем
Мы фашистам угрожаем.
Наши льны, пшеница, рожь
Их бросают в жар и дрожь.

Раньше срока хлеб посеять,
Раньше срока хлеб убрать!
Каждый колос с поля снятый
Близит с Гитлером расплату.

Выше темпы поднимайте,
Подавайте всем пример!
Урожаем укрепляйте
Оборону СССР.

ПРО УДАРНИЦ ПЕСНИ НОВЫЕ

(Народные частушки)

Из колодца вся деревня
Ключевую воду пьет.
Вся деревня про ударниц
Песни новые поет.

Девки рады, бабы рады
Красной Армии служить:
Хлеб, оружие и снаряды
Красной Армии добыть.

Ты звончей играй, гармошка,
Ну, подруженька, подпой!
Остается дней немножко
До весенней посевной.

Гармонист, играй по чести,
Настроенье выражай,
Будем мы бороться вместе
За высокий урожай.

Вьется шаль, моя шаль,
Золотые кисти,
Знаю — будет урожай
Пудиков на гриста.

Вся моя бригада рада,
Мы закончили ремонт,
Инвентарь у нас в бригаде
На участки завезен.

Ранний пар я поднимала
И в колхозе славилась:
В землю влагу запасала,
Чтобы рожь кудрявилась.

На колхозные поля
Трактор выезжает,
Им колхозница моя
Смело управляет.

За рулем сижу на тракторе,
А милый на войне,
Я боялась — не справлюся,
А справилась вполне.

Маша пашеньку распашет
И огрехов не видать,
Научилась подруга
По-стахановски пахать.

Я с подругой соревнуюсь,
Вызываю и прошу:
«Выезжай пораньше в поле,
Погляди, как я пашу».

От ребят я отставала
Прошлый год на посевной.
В эту зиму постаралась
Стать в звене передовой.

Я по почте перелетной
Письмо в армию пошлю:
Похваюсь, что я на курсах
Агроминимум учу.

Много звездочек на небе,
Одна ярче всех горит.
Много девушек ударниц,
Их моя страна растит.

Все идем одной дорогой,
Любим Родину свою:
Видя трудности, не дрогнем
Ни в труде, и ни в бою!

*Частушки сложили сказители: А. АНИСИМОВА,
Н. ЧИХВАРИН, ВОЛКОВА, СЮЗЬДИН и др.*

ЧЕМ БОГАТЫ, ТЕМ И РАДЫ

(Народные частушки)

Людоеды черной бандой
Надвигаются на нас —
Про таких гостей незваных
Есть закусочка у нас.

В гости жалуете, гады,
Чем богаты, тем и рады:
Поотведайте свинца
От советского бойца.

Пулеметчик бойко строчит,
И грохочет миномет.
А коричневый налетчик
И костей не соберет.

Злые хищники напали —
Мы сумеем дать отпор.
Припасем для вражьей стаи
Пулеметный разговор.

Бей врага из пулемета
Не жалея, не щадя,
В список славных патриотов
Впишет Родина тебя.

Бей, кроши врага везде,
Под водою, на воде,
И с земли и с воздуха
Бей, кроши без роздыха.

Мой миленочек в пехоте,
Я не знаю, в какой роте.
Только знаю, милый мой
В роте самой боевой.

Вылетает истребитель,
Милый мой на нем водитель.
Милый метит очень чисто,
Бьет без промаха фашистов.

Мой миленок, ястребенок,
В Красной авиации —
Пулеметом бьет с налета
По фашистской нации.

Соколы вы ясные,
Самолеты красные,
Выше поднимайтесь,
Врагу не поддавайтесь.

Скоро, скоро я уеду
На машине паровой —
Мой миленочек воюет,
Я на фронт иду сестрой.

На колхозну лошадь сяду,
Винтовочку на плечо;
В партизанские отряды
Собирайтесь — кто еще?!

За свою родную землю
Грудью встанем, как один.
Будь уверена, подруга,
Мы фашистов победим.

Не топчите, людоеды,
Наши мирные поля —
Будет биться до победы
Всенародная семья.

НА РАЗНЫХ ЯЗЫКАХ

(Куплеты)

Часто гражданин советский,
Изучая языки,
Брал читать журнал немецкий,
Иль романы иль стихи.

Если взять сейчас газету —
«Беобахтер», «Тагеблат», —
Не язык немецкий это, —
Воровской фашистский блат!

Из статей и заметок
Убедиться может всяк:
По-фашистски будет этак,
А по-нашему не так!

Хлеб да квас — по-русски тюря,
А у немцев — весь обед...
По-фашистски Гитлер — фюрер,
А по-русски — людоед!

Покорить весь мир намерен,
Мирных жителей бомбит, —
По-фашистски Герман Геринг,
А по-нашему — бандит!

Много блеску, много треску,
Он набил в поклонах лоб...
По-румынски Антонеску,
А по-нашему — холоп!

Муссолини ходит тучей, —
Вышел с Африкой конфуз!
По-фашистски «храбрый дуче»,
А по-русски — битый трус!

Маннергейм с фашистским маршем
На разбой помчался вскачь...
По-немецки — герр фельдмаршал,
А по-нашему — палач!

Гитлер-гад незванным гостем
К нам залез в цветущий сад.

По-фашистски: Дранг нах остен!
А по-русски: Дранг... назад!

(Жест подзатыльника)

Гитлер целый мир на карте
Покоряет в пять минут...
По-фашистски — Бонапарте,
А по-русски — наглый шут!

«В плен линкор взяла подлодка.
Омск мы заняли в два дня»...
По-фашистски это сводка,
А по-нашему брехня!

Нам десант, в лесу укрытый,
Удалось переловить...
По-немецки: битте, битте!
А по-русски: бить, так бить!

(Жест)

Грабить мирные народы
Штурмовик-фашист привык,
По-немецки бутерброды,
А по-русски — в брюхо штык.

(Жест штыкового удара)

Туфли, часики, камен,
Вилки, ложки, кольца, брошь...
По-немецкому — трофеи,
А по-русскому — грабеж!

Геббельс — уток инкубатор,
Языком нас бить горяч...
По-фашистски — информатор,
А по-нашему — трепач!

Хлеб из глины, мех из нитей,
Суп — бурды с травой лохань...
По-немецки — заменитель,
А по-русски — просто дрянь!

Зубы волка, взгляд убийцы,
Низкий лоб, большой живот...
По-фашистски — тип арийца,
А по-русски — идиот!

В бой пошел советский витязь,
Свищет меч по головам...
Нам фашисты: покоритесь! —
Мы в ответ им — смерть врагам!

Виктор БОКОВ

УРОЖАЙНЫЕ ЧАСТУШКИ

Наливалась рожь-красавица —
Какая радость нам, —
Началась везде уборка
По колхозным сторонам.

Сяду, сяду я на жаточку,
Поеду в поле жать,
Мой миленок стал героем,
Мне не дело отставать!

Припев.

Жаточки, косилочки,
Комбайны, трактора,
Для вас теперь, для нас теперь
Горячая пора.

Ай, подружка дорогая,
Посмотри, какая рожь:
Облетишь на самолете,
А пешком не обойдешь!

Подруженька, жни да жни,
Дорогая, жни да жни,
Пока солнышко на небе
И уборочные дни.

Припев.

Урожай какой теперь —
Убирайте без потерь,
Чтоб стахановской работой
По врагу ударить в цель.

Я в уборочную эту
Отличусь, как отличусь, —
Уберу весь хлеб до срока,
В санитарки запишусь.

Припев.

За рулем сижу на тракторе,
А милый на войне,
Я боялася не справлюся,
А справилась вполне.

У милого моего
Все выходит боево:
Косит ли, воюет ли,
Пляшет ли, целует ли.

П р и п е в.

Молотилочка молотит,
Ей и надо молотить,
А зазнавшихся фашистов
Надо крепко колотить.

Хлеб досрочно обмолотим,
Красной Армии пошлем, —
Голодающих фашистов
Обязательно побьем.

П р и п е в.

Не придется вам, фашисты,
Нашим хлебом завладеть,
А придется вам, фашисты,
Как собакам околеть.

П р и п е в.

Жаточки, косилочки,
Комбайны, трактора,
Для вас теперь, для нас теперь
Горячая пора.

ФРОНТОВЫЕ ЧАСТУШКИ

Немцы тучей, немцы тучей
Шли, где не положено,
Немцы смертью неминуемой
Штабелями сложены.

Будут нам сады цвести,
Будем немца мы трясти,
Будем так трясти его,
Что на развод — ни одного.

Вскинь винтовку, вскинь винтовку,
Тульскую проворную!
Русский вскинет, немец сгинет —
Кровь польется черная.

Говорили немцу толком:
Не ходи к нам, не ходи!
Немцу толком, немец — волком
С меткой пулею в груди.

Мы воюем, словно пашем,
Немец сыт потерями,
Их завьюжит вьюгой нашей,
Занесет метелями.

Фюрер Геббельсу лепечет:
«Ты не должен мне перечить,
Ты да я, да мы с тобой
В сводке выиграем бой».

Все немецкие вояки
На словах были сильны.
Только после каждой драки
Моют в озере штаны.

Ходит Гитлер с рожей постной
От советского штыка —
Для войны «молниеносной»
У него кишка тонка.

Ганс писал письмо домой,
Не закончил строчку, —
Снайпер наш своей рукой
В нем поставил точку.

Немцев мы не раз уж били,
Но о том они забыли.
А на этот видно раз
Долго будут помнить нас.

В роте вшивой шли дебаты,
И решили там солдаты:
«Вшей позлей в конверт собрать,
В ставку Гитлеру послать».

Лез к Москве фашист-насилъник
Через надолбы и рвы,
Крепкий русский подзатыльник
Получил взамен Москвы.

Говорили пушки басом,
Бушевал смертельный шквал:
Генерал товарищ Власов
Немцам шею наломал.

Ты играй, играй, гармонь,
Зажигай в груди огонь,
Двинь на банду прусскую
Нашу удадь русскую.

Есть у Геббельса забота,
Как наглее бы соврать:
Как собьют три самолета, —
Он горланит: двадцать пять!

Взял бинокль Фриц-тупица —
«Вижу я Москву, дружки».
Но снаряд упал на Фрица —
Ни бинокля, ни башки.

Нынче Браухич не гожа,
Сам Адольф стал воевать.
Эх, обрадуется вошь —
«Буду фюрера кусать!»

Невский немцев бил у Пскова,
Хоронил их подо льдом.
Немцев нам громить не ново,
По-старинке мы их бьем.

(Из газеты „Рабочий край“ от 8, 15, 23 февраля 1942 г.)

А. БЛАГОВ

КРАСНОФЛОТСКИЕ ЧАСТУШКИ

На свое, фашисты, горе
Заплывете в наше море:
Здесь дорога вам одна —
От поверхности до дна.

Пулеметы и снаряды
Бьют бандита без пощады,
Чтобы помнил лютый вор
Нашей Балтики отпор.

Не допустим супостата
До советского Кронштадта,
На воде и в облаках
Разобьем фашиста впрах.
Не уйти вам, людоеды,
От гранаты, от торпеды, —
Боевые корабли
Вас сотрут с лица земли.
Перетопим псов немецких
В глубине морей советских,
Чтобы бешеным зверям
Не шататься по морям.
Не грози подводной лодкой —
Наш ответ тебе короткий:
Хватит — плавал по волне, —
Пропадай теперь на дне.
Друг за друга, брат за брата,
За невесту, за отца
Бей фашистского пирата
До победного конца!

V. ФРОНТОВОЙ ЮМОР. ДЛЯ КОНФЕРАНСА

НЕПРИЛИЧНАЯ МОДА

(Берлинский разговор)

— Вы слышали, фрау Шмидт, какая неприличная мода у этих русских женщин: они носят в качестве рейтуз то, что наши солдаты надевают на голову.

ЧЕЛОВЕКОПОДОБНЫЕ

(Обнаружено у убитых немецких солдат под Можайском)

— Что теперь немецкий солдат в России?

— Немецкий солдат в России — это нередко голодающее, ни колбасы, ни масла не знающее, пустую похлебку хлебающее, во вшах пребывающее, чесаться непрекращающееся, на морозе стонущее и вздыхающее, охотно с молодками спать лежащее, грязного белья не стыдящееся, раз в неделю лицо умывающее, о возвращении в Германию мечтающее — человекоподобное существо.

РАЗГОВОР В СОВЕТСКОЙ СЕМЬЕ

Дочь. Папа, если немцы повоюют еще пару месяцев, то у них, пожалуй, не останется ни одного папы.

Отец. Ничего. Гитлер и Геббельс уже работают над созданием эрзац-папы.

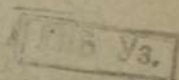
ЗА ФРИЦА ОНА СПОКОЙНА

Фрау Штрипке. Наши мужчины ужасно портятся на войне.

Фрау Дрипке. Я на этот счет спокойна. Мой Фриц не испортится. Русские его заморозили.

УСПОКОЙТЕСЬ

Одна мамаша из Берлина
Письмо на фронт прислала сыну.
Ее слова полны тревоги...

«Ты так забрался далеко,
Что унести обратно ноги,
Пожалуй, будет нелегко!»
Вы правы, дорогая фрау,
Купите поскорее траур
И успокойтесь от тревоги:
Сын потерял не только ноги,
А даже голову свою
С советской армией в бою.

СОВЕРШЕННО ТОЧНО

1. Что увидел немец на подступах к Москве?
— Что к ней не подступишься.
2. Почему Гитлер поспешно удирал с восточного фронта?
— Очевидно он хотел, как всегда, быть впереди своей армии.
3. Когда немецкая каска бывает на своем месте?
— Когда она на кресте.

ПИСЬМО В ГЕРМАНИЮ

Дорогая Бетси! Пожалуйста, за меня не беспокойся. Мы на фронте прекрасно проводим время. На днях у нас состоялся даже костюмированный бал в дремучем лесу. Я нарядился старым колхозником, а мой друг — старостой. Всю ночь мы веселились до упаду, а на утро едва могли переставлять ноги.

Любящий тебя Г. Эргардт.

«ЧУДО-ЧУДЕСА»

Бумагу нужно экономить: она используется на фронте для вторых подметок и для защиты от холода (Немецкая газета «Дасрейх» от 11/1 1942 г.).

Вот так чудо-чудеса, дожили бродяги!
Из опилок колбаса, шубы из бумаги...
Это очень хорошо, от души мы рады.
Значит срок им подошел — скоро сдохнут гады!

ДВА ВОЛКА

Встретились в лесу два волка — матерый и молодой, такой тощий, что старый волк даже пожалел его.

— Эк тебя подвело! — сказал матерый. — Давно рвет?
— Третьи сутки... Все нутро выворотило...
— А что ты ел?
— Немца.
— Тебе повезло. Как только ты не сдох от этой падали. Старый волк пощупал у молодого живот, посмотрел язык.
— Нехороши твои дела. Да ты не бледней! Может еще обойдется. Вот мой совет. Иди на перекресток дорог. Там партизаны взорвали три грузовика. Один из них с касторкой. Прими ее. Поймай немца — и, пока он живой, прикладывай к животу. Иди.

Больной волк побежал. В лесу его поймали два голодных немца. И хотя волк объявил себя арийцем — не помогло. Фрицы съели его, оставив только хвост.

ОЧЕНЬ СПЕШНО

Генерал. И вам не стыдно, господин офицер: вы бежали, как заяц, от красных...

Офицер. Я все старался вас догнать, господин генерал, и сообщить, что вы забыли надеть брюки.

ОТДЕЛ ОБЪЯВЛЕНИЙ

МЕНЯЮ жилую площадь в русском селе со всеми удобствами (стрельба, голод, партизаны) на шалаш на необитаемом острове.

Солдат Ганс Ловкар.

КУПИМ сало для смазывания пяток. Командование немецкой граббармии. Генерал фон-Битых.

ИЩУ МЕСТО, где бы укрыться от конницы Белова, артиллерии Говорова, танков Катукова, пехоты Голикова. Звоните в любое время суток. Лейтенант фон-Воор.

ТРЕБУЮТСЯ лыжи, наостренные «цюрюк нах хаузе». Адрес: любая немецкая дивизия. Каждый полк. Всякая рота.

ЗУБЫ выбивают дробь от холода и ужаса при виде советских штыков. Рота СС «Великая Германия».

ОСКОЛКИ

В НЕМЕЦКОМ ОКОПЕ

Первый солдат. О чем ты сейчас думаешь, Ганс?

Второй солдат. Я думаю о том, чтобы перестать думать, что за меня думает фюрер, и начать думать самому.

ЗАКОЛДОВАННЫЙ КРУГ

- Франц, когда мы победим?
- Когда поедим.
- А когда поедим?
- Когда победим.

ТОЧНОЕ ЗНАНИЕ

- Клейст, Гудериан, Рейхенау, Лист?
- Ведь это все сливки германского командования!
- Да, битые сливки.

ИГРА ЦВЕТОВ

- Почему этот испанский генерал позеленел от злости?
- Потому что его голубой дивизии выпали красные...

КРАСОТКА

Майор Граббер встретил старого друга.

- Я вам завидую, обер-лейтенант.
- Помилуйте. В чем?
- Как в чем? Когда мы удирали из Можайска, вы бежали, увлекая за собой какую-то можайскую красотку. Скажите, она сейчас при вас?
- Что вы, что вы, господин майор! Это был генерал Труфф, переодетый в женское платье.

С. М. МАРШАК

«ВСЯ ЕВРОПА»

Кличет Гитлер Риббентропа,

Кличит Геббельса к себе:

— Я хочу, чтоб вся Европа

Поддержала нас в борьбе.

— Нас поддержит вся Европа, —

Отвечали два холопа

И пустились вербовать

Многочисленную рать.

Швед —

Из города Берлина,

Два бельгийца с половиной

И сподручный
Дорио
Встать готовы
Под ружье!
Опереточный испанец
С шайкой жуликов
И пьяниц.
Вот фашистский легион
Всех мастей и всех племен.
Вызвал Гитлер
Риббентропа
И спросил,
Нахмутив лоб:
— Это что же
Вся Европа?!
— Вся, — ответил Риббентроп.

С. МАРШАК

**«ЕВРОПЕЙСКИЙ СОЮЗ ДЕРЖАВ,
ИЛИ ФАШИСТСКАЯ КОАЛИЦИЯ»**

Гитлер вымолвит в Берлине:
«Муссолини, куш!»
Ляжет на пол Муссолини,
Толст и неуклюж.

Если фюрер скажет резко:
«Мой Трезор, ату!»
Мчится вихрем Антонеску
С плеткою во рту.

Если Гитлер палку бросит,
Говоря: «Аппорт!».
Маннергейм ее приносит,
Радостен и горд.

У стола сидят собачки,
Образуя круг,
Но напрасно ждут подачки
Из хозяйских рук.

Им обещанные кости
Ест хозяин сам,
Только плети, только трости
Оставляет псам.

«АРАПСКИЕ» СКАЗКИ
НЕМЕЦКОГО ВЕРХОВНОГО КОМАНДОВАНИЯ

Фашистский сумрачный калиф,
Кальян душистый закулив,
Велел прийти с докладом
Своим Шехерезадам.

И вот пришел Шехерезад
И прочитал ему доклад:
— Один немецкий пулемет
Разбил сто тысяч дотов
И триста тысяч девятьсот
Семнадцать самолетов!

Два «Мессершмитта» на лету
Забрали в плен Алма-Ату
С воздушным заграждением,
С луной и затемнением.
Фельдфебель, бывший почтальон,
Взял русских танков миллион.

Мы разбомбили Гулькин Нос,
Тетюшам угрожаем.
Забрали клюквенный колхоз
С богатым урожаем!.. —

Калиф прервал его доклад,
Прикрыв плотнее двери.
— А каковы, Шехерезад,
Немецкие потери!?

— Калиф, ты задал мне вопрос,
Весьма замысловатый.
Я на советский счет отнес
Немецкие утраты!

СВЕРХСКОТЫ

«Наши крестьяне понимали, что такое чистота расы; если мы с骄傲ливо гордимся прусскими коровами, которые во многих отношениях выше финских и герфордских коров, то никто из нас не станет гордиться Марксом, Гейне или ублюдком Эйнштейном. Думая о продолжении расы, мы должны вдохновляться опытом наших крестьян».

«Фельдкишер Беобахтер».

Чистота арийской крови
Уважается в корове,
Чистокровный прусский скот
Выше всех других пород.

Гитлер чтит благоговейно
Не Эйнштейна и не Гейне,
А корову и быка,
Потому что у коровы
Светлый ум и дух здоровый,
А от Гейне и Эйнштейна
Ни телят, ни молока!

Обеспечим все условия,
Чтоб отныне по-коровьи
Наша кровь была чиста,
Чтобы жить нам
По-коровьи,
И любить нам по-коровьи,
Создавая поголовье
Чистокровного скота.

Чтоб отец, взглянув на сына,
Мог с достоинством сказать:
— Настоящая скотина!
Целиком в отца и мать!

«СТРАТЕГИЯ»

Немцы лезли на Москву,
Сталью грохали;
Угостили их мы так,
Что заохали.

По захватчикам боец
Бьет без милости:
Этот мусор, говорит,
Надо вымести.

И ползут они назад,
Огрызаются,
А мороз свое берет,
Не стесняется.

Где плетутся, где бегут
Вместе с танками,
Партизаны их громят
С партизанками.

А в Германии кричат:
— Мы не бегали,
Мы тихонько отошли —
По стратегии.

Ну и пусть себе кричат,
Пусть бахвалятся:
От стратегии такой
Немцы валятся.

Наша тактика идет,
Как положено:
Будет дикое зверье
Уничтожено!

СВЯЩЕННАЯ ВОЙНА¹
Слова В. Лебедева Купава Музыка Н. В. Александрова

ВСТА ВРА СТАННА ОГ РОМ НА Я ВСТА
ВРА НА СМЕРТНОЮ БОЮ С ФАШИСТСКОЙ СИЛОЮ
ТЕМНОЮ, С ПРОКЛЯТОЮ ОДОЙ ПУСТЬ
Я РОСТЬ БРАГО РОД НА Я ВСКИ ПАЕТ, КАК БОЛ
НА И ДЕТ ВОУ-НА НА РОД НА Я СВА
ЩЕН-НА Я ВОУ-НА! 2. КАК НА!

ПЕСНЯ СТЕЛЫХ
Слова Н. Сербова Музыка В. Белого

СТЕЛЮТСЯ ЧЕРНЫ О ТУ ЧУ МОЛНИЦАМ БР БРО-НА
ЮТ В ОБ-ПА-КА ПЫ-ЛИ ПР-ТУ - ЧЕУ ТРУ-БУ ТРА-ВО-ГУ ПО
ЮТ С БАНДОЙ ФАШИСТОВ СРА ЗУТЬ - СР
СТА ЛИН ОТВАЖНЫМ СО ВЕТ СМЕ-ЛО-ГО ПУ-ЛЯ БО-
УТ-СЯ СМЕ-ЛО-ГО ШТЫК НЕ БР - РЕТ
СМЕ-ЛО-ГО ПУ-ЛЯ БО-УТСЯ СМЕ-ЛОГО ШТЫК НЕ БР РЕТ
СМЕ-ЛО-ГО ШТЫК НЕ БР - РЕТ

НЕ СКОСИТЬ НАС СЯБЛЕЙ ОСТРОЙ*
 СТИХИ В ЛЕБЕДЬ-КНИЖКУ ПУЗ ДИ И ДИМ ПОПРАСС

ТЕМА СТАРША

ТО НЕ СТА И ВО РО-НЬИ СЛ-ТА - ЛИСЬ ПОД РА-

КИ-ТО-Ю ПИР ПИ-РО ВАТЬ, ГАУ-ДА СЯ-КИ И НАМ-ЦЫ ПО-

ТА ЛИСЬ НА-ШУ ЗЕМ-ЛЮ НА УВСТУ ПОРВАТЬ ДА КРЕП-

НА О-КА-ЗА-ЛАСЬ ЗЕМ-ЛЯ-ТО, НЕ ПРИШ-ЛОСЬ ИМ РА-ТРА-БУТЬ Е

Е. — НА-ШУ СО-КО-ЛЫ И СО-КО-ЛЯ-ТА РА-С-МЕ-

ТА-ЛУ, АНА ДИМ ВО-РО НЬОТ НЕ СКО СУТЬ НАС СЯБ-ЛЕЙ

ОСТ-РОУ - ВРАЖЕИ ПУ-ЛЕЙ НЕ У-БУТЬ, СЫ ОРА-ТА ВСТРЕЧАЮСЯ

ПРОС-ТО: БУ-ЛУ, БУДУ И БУ-ДУМ БУТЬ, 2 БУ-ДУ БУТЬ.

ДЛЯ ОКОНЧАНИЯ

ХОД f

1. НА ДОД-НЫХ ПО-ПЯХ ЗА-ВЫ-ЛИ У-РА-ГЕ-НЫ.

ТУ-ЧУ ПО-ЛЕТ-ЛИ НАД СА-НО-Ю ЗЕМ-ЛЕЙ.

ОГ-НЕ-ВЫМ ДОЖ-ДЕМ ВСТРЕЧАЮ ГОСТЕЙ НЕЗ-ВА-ННЫХ

ПРО-БЫЛ ЧАС ТО ВЯ-ДУ-ЩИЕ Е-ВЫ.

МЫ НЕ РАЗ, У НЕ ДВА НЕД-РУ-ГО У-ЧУ-ЛИ

ОБ-ХО-ДИТЬ СТО-РО-НУ РЫС-КУ Е-ЛИ-ГО

У НЕ РАЗ У НЕ ДВА МЫ В ПО КОД КО-ДИ

У НЕ РАЗ, У НЕ ДВА БУ-ЛИ МЫ ВРА-ГА!

1 ТРИ БРА-ТА СФРАШИВАЮ ДРУ-РУСА ЖЕСТО-КО, И

КАЖ-ДУЙ ИЗ БРАТЬЕВ СИ-ЛЕН И ВРЕ-ЧУСТ О.

ДУН РЕ-КО-ТИ-НЫЧ, ДРУ-ГОЙ СМЕ-ЛЫЙ СО-КОЛ, А

ТРЕТЬЮ ОТВРАЖЕННУ ТЯНУСТ! О. КУСТ! 2 Вот

СЕСТРА

ТЕКСТ Д. М. СЕМЕНОВСКОГО
Allergo moderato

МУЗ. М. Ю. ДВОЙРИНА

Handwritten musical score for the song "СЕСТРА" (Sister). The score is written on four systems of staves, each with a treble and bass clef. The tempo is marked "Allergo moderato". The lyrics are in Russian and describe a sister's features and a red cross-armed gymnast.

СЕСТРА

ТЕКСТ Д. М. СЕМЕНОВСКОГО
Allergo moderato

МУЗ. М. Ю. ДВОЙРИНА

мело тощо riten

ОБ-ЛИА ДЕ-ВУШ-КИ СЛАВ-НОЙ, — МЯГКИЙ О-ЧЕРК — ЛИ-
 СЕСТРА

ЦА, — КРАС-НЫЙ КРЕСТ НА-РУ-КАВ-НЫЙ, ГИМ-НАС

ТЕР-КА БОЙ-ЦА. ВЕСЬ НА РОД ГРО-ЗО-
 ВА-Я ПО-РОД-НИ-ЦА ПО-РА.
 роко ритм
 ВСЕМ БОЙ-ЦАМ ТЫ РОД-НА-Я. ВСЕМ БОЙ-ЦАМ ТЫ СЕР-
 а tempo meno mosso
 РА. ЕСТЬ
 a tempo a tempo

- В 6-м такте от начала вторая четверть в верхнем голосе читать «фа».
- В 8-м такте первую четверть верхнего голоса читать «ре».
- В 39-м такте средний голос аккорда в обоих случаях читать «ре бемоль».

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

Вместо предисловия	3
Как организуется художественная агитбригада	4
Как провести выступление художественной агитбригады	5
Примерная программа выступления художественной самодеятельности агитбригады	6

I. ДЛЯ ДРАМАТИЧЕСКОЙ ГРУППЫ 8—29

Наоборот. Яков Рудин	8
Он приказал. С. Данилин	10
Точные приметы. Гр. Градов	16
Габьярмия. Яков Рудин	23
Случай в разведке. А. Эрлих	25

II. ДЛЯ ЧТЕЦОВ-ДЕКЛАМАТОРОВ 30—45

Заговорил. В. Суходольский	30
Дядя Влас. В. Типот	32
Раненому. Дм. Семеновский	34
Подарки. Лебедев-Кумач	35
Наготове. Елена Благинина	36
Советские бомбовозы. С. Михалков	37
Наказ сыну. Исаковский	39
Вперед, богатыри, вперед! А. Сурков	40
Рассказ колхозницы. А. Яшин	41
Родина. А. Благов	42
Кольца золотые. А. Благов	43
Песня о народном ополчении. Вл. Кудрин	44
Партизанка. Вл. Кудрин	45

III. ДЛЯ ХОРА, АНСАМБЛЯ, ОДНОГО ГОЛОСА 46—51

Священная война. Лебедев-Кумач	46
Не скосить нас саблей острой. Лебедев-Кумач	47
Песня смелых. А. Сурков	48
Три брата. Лебедев-Кумач	49
И не раз, и не два. Гр. Градов	50
Сестра. Дм. Семеновский	51

IV. ЧАСТУШКИ	52—64
За высокий урожай	52
Про ударниц песни новые	54
Чем богаты, тем и рады	56
На разных языках	58
Урожайные частушки	60
Фронтные частушки	61
Краснофлотские частушки	63
V. ФРОНТОВОЙ ЮМОР. ДЛЯ КОНФЕРАНСА	65—72
Н о т ы	73

Редактор М. Х. Кочнев, Подписано к печати 26/V 1942 г. КЕ—989.
Печ. л. 5. Уч.-изд. л. 4,46. В печ. л. 38160 тип. зн. Тираж 3500 экз.
Цена 1 р. 80 к.

Типография издательства Ивановского облсовета депутатов трудящихся, Иваново. Типографская, 4. Заказ № 2546.

1000 03249

1 руб. 80 коп.

0-18 ссн

